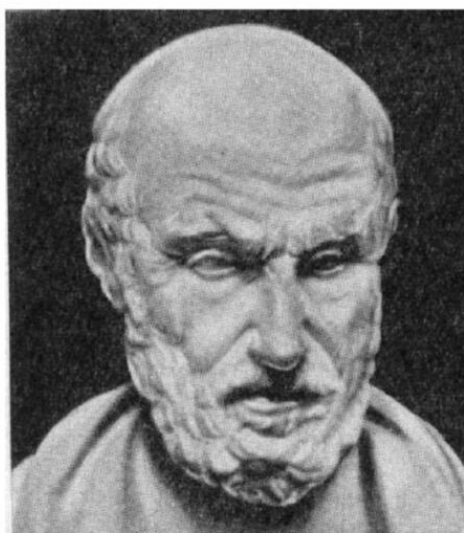

Анатолий Фёдорович
МАЗУР

**ВОЕННАЯ КАФЕДРА
(СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ,
НЕ ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ)**

Санкт –Петербург
2021

Анатолий Мазур

Военная кафедра академии

«Автор»

2025

Мазур А. Ф.

Военная кафедра академии / А. Ф. Мазур — «Автор», 2025

Повесть-эссе о жизни и более чем 20-летней работе в управлении ВМА. Эта книга является продолжением моей первой книги «Военная кафедра. Свой среди чужих, не чужой среди своих». В книге автор стремится жизненно и правдиво показать образовательную и научную деятельность в штабе ВМА в начале 21 века. Параллельно отражены взаимосвязанные сферы жизни: семья; академия; культура; политика; спорт, как целая отдельная жизнь; путешествия и другие.

© Мазур А. Ф., 2025

© Автор, 2025

Анатолий Мазур

Военная кафедра академии

I. НАЧАЛО

.1.

ПРЕАМБУЛА ИЛИ КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

Позади 25 лет работы на военной кафедре! ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА!!

Сколько пережито за эти годы! По одному из методов расчёта – это почти два преподавательских поколения вуза. Есть желание и есть что рассказать. Но в начале представляется целесообразным отступить ещё на половину указанного срока назад. И вот почему.

Ведь за плечами, на момент увольнения из Вооружённых Сил, около 40 лет военной службы! Правда, мне больше по душе не *службы*, а воинского труда или ещё точнее *работы*. Работа в подземных сооружениях, возле боеголовок стратегических многоступенчатых ракет в «подземных» ракетных войсках, на подводных и надводных кораблях. Перелёты и переезды через всю страну: от Камчатки до Куршской косы на Балтике, от Новой земли до Кушки, – с целью проверок медицинской службы армии, авиации и флота. Разработка с нуля и участие в испытаниях разработанных образцов военной и медицинской техники. Проектирование, разработка, подготовка и проведение различных видов занятий более чем с пятью тысячами обучаемых в аудиториях, классах, учебных центрах. Изнурительные тренировки и борьба на спортивных аренах от шахмат до офицерского многоборья и марафонов «Пушкин – Ленинград», «Дорога жизни» и др. Это тяжкий, а моментами и даже периодами с риском для жизни, труд и работа на износ.

Так совпало, что в начале моего военного пути, по «гениальному» решению Н.С. Хрущёва и его окружения было заявлено, что Советскому союзу нужны только ракеты. В связи с этим, в прямом и переносном смысле, начали резать в наших ВВС самолёты и на ВМФ – корабли и прикрывать как виды Вооружённых Сил авиацию и флот. Поэтому, мне, несмотря на успешное окончание Одесского аэроклуба, прохождения городских медицинской и мандатной отборочных комиссий, когда, в буквальном смысле слова, был уложен чемодан в дорогу, и осталось только получить в военкомате проездные документы, было объявлено: – набора в Ейское авиационное училище (куда меня направляли) в этом году не будет. После «глубокого» анализа и обсуждения с одноклассниками – кандидатами в лётчики, было принято решение податься в самые современные и загадочные в то время ракетные войска.

Тогда, положенные 25 лет службы в ВС после окончания ракетного командно-технического училища, казались безумно большим сроком. Но разве мог я тогда предположить какие изгибы судьбы и жизненные повороты ждут меня в течение не только 25, но и почти 40 лет службы в ВС? И начал я эти повороты в связи с не проходящей тягой в небо.

Прослужив, положенные 3 года после окончания училища, в стратегической ракетной дивизии, я понял, что мне, по-прежнему, очень хочется попасть в авиацию. Поступать в авиационное училище не позволял уже возраст. Поэтому решил пробиваться туда через ... медицину, с тайной и наивной надеждой когда-то сесть и за штурвал самолёта. Этому способствовало ещё ряд обстоятельств тех лет: направленность и уровень советского общественного воспитания и герои того времени

С. Королёв, Ю. Гагарин, Н. Амосов с его произведениями «Мысли и сердце», «Записки из будущего» и, наконец, моя медицинская родословная.

Кто знает, с каким трудом создавался новый вид ВС – ракетные войска стратегического назначения, тот знает, что вырваться оттуда, да ещё в медицину было практически не возможно. В связи с указанными трудностями, я едва не демобилизовался в последнее хрущёвское сокращение ВС СССР. Однако, «на отлично» выставив «по вертикали и горизонтали» и направив все межконтинентальные ракеты при постановке нашего полка на боевое дежурство, в установленные сроки на указанные цели (через Северный полюс), я заслужил право на попытку поступления в Военно-медицинскую академию.

Это большое жизненное счастье, удача и честь поступить, учиться и окончить нашу славную Alma mater. Разумеется, это трудное счастье, требующее многолетней упорной работы. Ещё в годы учёбы в академии мне представилась возможность уйти в авиационную медицину, несмотря на то, что учился на военно-морском факультете. Но неожиданно судьба свела с людьми, фанатически увлечёнными своей клинической областью медицины – анестезиологией и реаниматологией: В.Н. Нефёдовым и В.И. Сипченко. Им обоим, а особенно за многолетнюю помощь, дружбу и сотрудничество с Василием Ивановичем, я по век обязан за школу не только по специальности, но и жизненную. Это резко повернуло, определило на много лет мои интересы и устремления и буквально засосало меня в эту область медицины, связанную, как я и по ныне считаю, с постоянным решением сложных «вводных и кроссвордов». Учёбу на старших курсах мне разрешили проходить по индивидуальному плану с «анестезиологическим уклоном», даже где-то в ущерб общей программе подготовки. Опыт и навыки в анестезиологических пособиях и реанимации, первые пробы в работе военно-научного общества слушателей, первые рефераты, печатные научные сообщения и статьи. Приобщение к флоту, подводным лодкам, военно-морской медицине. Любовь, женитьба, рождение сына и радость отцовства. Выпуск из академии, выпускной вечер в ресторане гостиницы «Ленинград», в кругу друзей однокурсников, учившихся в офицерских званиях. И неожиданное соседство по столикам с нашим начальником курса, отмечавшим это мероприятие в этот же вечер с одним из наших молодых однокурсников и его отцом за хорошее распределение сына, сразу на клиническую работу. Благодаря бескорыстной помощи А.З. Тухватулиной и В.П. Петленко, мне удалось сдать кандидатские минимумы по иностранному языку и философии, в ближайшие дни после получения диплома врача. На экзамене по философии опять неожиданный сюрприз в виде однокурсника, тоже пришедшего на экзамен, но ни разу не посещавшего соответствующие занятия и не сдававшего обязательные рефераты, но зато родственника начальника кафедры! Эх! То ли ещё будет впереди?

С позиций нынешних дней и возраста не заметно пролетели годы учёбы в академии.

Службу на Северном флоте в качестве начальника медицинской службы одного из учебных отрядов по подготовке радиоспециалистов флота, удалось, по мере возможности, совместить с дежурствами в госпитале и областной больнице и даже в отдельные месяцы с работой штатным анестезиологом гарнизонного госпиталя г. Архангельска. К огромному сожалению, не удалось добиться разрешения командира отряда на обучение в интернатуре Северного Флота по анестезиологии, хотя была она буквально через забор от учебного отряда. К счастью, удалось так наладить работу медицинской службы отряда, что неожиданно, после того как мне удалось спасти ему жизнь и госпитализировать, командир дал добро на отправку моих документов на конкурс получения права сдачи экзаменов в адъюнктуру на кафедру Анестезиологии и реаниматологии ВМедА. И вот здесь жизнь опять делает очередной резкий зигзаг или поворот.

Известно, что восстановить истинную картину событий, происходящих энное количество лет назад, за редким исключением, не возможно. Есть на этот счёт интересный исторический анекдот.

Спрашивается: – Какой правильный ответ на вопрос: кто более повлиял на ход истории человечества А. Македонский, Б. Наполеон или И. Сталин?

Оказывается правильный ответ довольно неожиданный: больше повлияли историки, описывающие ход истории.

Или известные резкие расхождения в оценке татаро-монгольского ига на России таких серьёзных исследователей истории как В. Чивилихина и Л. Гумилёва. Или как относиться к большим сомнениям последнего в достоверности исторических событий, описываемых общепризнанным великим летописцем Руси Нестором, по которому не один век, как по камертону, сверялись основные исторические вехи страны? Поэтому, естественно, многое из того, что будет изложено ниже о пережитом мною, моей семьёй, близкими, сотрудниками, коллегами, академией и страной представляет собой субъективную оценку и мнение. Более того, допускаю, что в чём-то даже дискутабельно, в зависимости от того с какой точки зрения посмотреть на описываемые явления, события и личности.

В то же время, это видение одной из сторон, участвовавшей в описываемых жизненных событиях и коллизиях, располагавшей определённой информацией и имеющей своё мировоззрение, моральные и нравственные устои.

1.2. ВОПРЕКИ МНЕНИЮ НАЧАЛЬСТВА. ПОСТУПЛЕНИЕ В АДЬЮНКТУРУ.

В 70-е годы XX века на кафедру в вузе рекомендовали участвовать в конкурсе на соответствующие должности людям уже в какой-то степени известным в коллективе и зарекомендовавшим себя в работе и научных исследованиях по данной специальности. Мне такие рекомендации на подготовку и участие во вступительных экзаменах в адъюнктуру были даны. После этого я с удвоенной энергией зарылся в литературу по программе вступительных экзаменов.

Наконец приходит долгожданный вызов из академии на экзамены. К этому времени в семье сложилась ситуация, требующая переезда её в полном составе в Ленинград. Вскоре ожидалось рождение второго ребёнка. Кроме того, подходило лето, и надо было вывозить бабушку (мою мать, жившую с нами) с внуком от Полярного круга в более южные и тёплые края. Поэтому вся семья дружно поехала «сдавать экзамены в адъюнктуру».

Приведенные обстоятельства, взаимно переплетаясь, окажут в ближайшее время влияние на решение вечных вопросов: «быть или не быть?»; «как быть дальше?» и т.п.

А пока по прибытии на кафедру выясняется, что у меня появился конкурент на место в адъюнктуре.

– Отлично! Даже будет интереснее! – подумал я.

Вообще конкурс на таких экзаменах нормальное явление. И, наверное, всегда имели место свои особенности и причуды. На сей раз, они были связаны с тем, что моим соперником оказался сын одного из бывших начальников учебного отдела академии. Шесть лет мы учились на параллельных курсах разных факультетов. Он на шесть лет младше меня. На старших курсах он занимался в научном слушательском кружке на кафедре эпидемиологии, я – на анестезиологии. И вдруг неожиданно наши пути пересеклись. И уже мне неофициально намекают на то, что шансы мои резко упали и очень не значительны.

– И что отсюда вытекает? Быть или не быть? Отступить или делать попытку в борьбе за место под солнцем?

В то время говорили так красиво, возвышенно, в отличие от того, как говорят сейчас: найти свою нишу ... (как рак отшельник).

Но тут же возник вопрос: а куда отступить? У меня, что есть запасной аэродром? Увы да ах. Следовательно, несмотря ни на что, остаётся одно – делать попытку, бороться!

После первого экзамена по специальности «Анестезиология и реаниматология», на котором мы оба получили по «отлично» у меня появилась маленькая надежда. Эту надежду усилило рождение в этот день нашей доченьки Иришеньки. То ли я сделал подарок в виде «пятёрки» жене Ларисе к рождению дочери, то ли она сделала мне подарок за мои успехи? Это событие,

конечно, меня вдохновило, но и повысило ответственность в принятии решений в усложнявшейся ситуации по поводу учёбы в адъюнктуре.

Во все времена, в любом обществе существуют определённые нормы нравственности, морали, поведения. При этом, соблюдаются определённые «правила игры», требующие в большей или меньшей степени (кто как) отступлений от приведенных категорий норм. О каких правилах идёт речь и как они соблюдались можно проследить на примере второго экзамена – «Военно-полевая хирургия».

Экзамен проводился на следующий день после Великого праздника советского народа – ДНЯ ПОБЕДЫ.

Каждый из нас, в своих семьях, в каждой из которых были свои герои и/или жертвы войны, отмечали этот «праздник со слезами на глазах», как поётся в песне и как могли в этот день. Конечно, не сравнено шире отмечался он участниками Великой Отечественной войны. Естественно, что это в большей степени сказалось на состоянии ветеранов, которые принимали экзамен у нас. Экзамен по Военно – полевой хирургии сдавали около 10 человек – кандидаты в адъюнкты на разные кафедры хирургического профиля. Всё шло обычным порядком. Очередные четыре человека, в том числе автор этих строк, взявши билеты, сидели за столами и готовились к ответу (собеседованию). У классной доски за двумя сдвинутыми столами сидят члены комиссии. В класс входит мой соперник как очередной экзаменуемый, с тем чтобы выбрать билет и также сесть готовиться. Только он переступил порог как один из членов комиссии, начальник одной из кафедр Александр Николаевич громко восклицает:

– А, Игорёк, заходи, заходи!

Рядом сидящий другой член комиссии, начальник другой кафедры, Иван Степанович толкает его в бок и тихо говорит:

– Ты что вчера перебрал или плохо закусывал?

– А что такое? Я его знаю ещё с такого возраста! – ответил тот и показал над полом условно около одного метра.

Поставьте себя на моё место. В каком состоянии и с каким настроением вы бы участвовали в собеседовании (сдаче экзамена) после такой преамбулы? Что больше повлияло на выставление оценок ему и мне: показанные знания, или знакомство? Однако, после этого экзамена сумма баллов у меня оказалась на единицу меньше чем у моего соперника. И опять стал вопрос: не тратьте кумэ сылы, спускайтесь на дно? И здесь я совершил поступок, за который стыдно и по сей день, хотя он ничего не мог изменить и не изменил.

– Но если со мной так поступают, значит я тоже имею право вести себя аналогичным образом – рассуждал я.

Предстоял ещё экзамен по иностранному языку. Айша Зиганшевна Тухватулина, которая консультировала меня два года назад перед сдачей кандидатского минимума по иностранному языку, с которой я мог посоветоваться и просить помощи, на кафедре уже не работала. После долгих сомнений и терзаний предстал я пред ясные очи заведующей кафедрой иностранных языков. Не знаю были поняты или нет тогда мои не внятные бормотания и рассуждения о том, что со мной поступили не честно на предыдущем экзамене, что если я теперь не получу на предстоящем испытании хотя бы на один балл больше моего соперника то теряю всякие шансы на поступление в адъюнктуру? Когда я много раз, спустя десятки лет, думал об этом то понял, что, если бы обратились ко мне с подобной просьбой, получили бы аналогичный отрицательный ответ. Таким образом, уровень знаний иностранного языка каждого из нас оценен был одинаково. В результате конкурс я проиграл, хотя и набрал 14 из 15 баллов.

И опять я стал на распутье. В данном случае: возвращаться в учебный отряд Северного флота и надеяться, что представится возможность сделать повторную попытку стать врачом анестезиологом или не упустить представившуюся возможность в академии стать врачом близкого профиля, с надеждой возвратиться в анестезиологию.

К тому времени я уже достаточно был знаком с системой анестезиологического обеспечения в медицинской службе Северного флота. И представлял мои мизерные возможности попасть в эту систему, не окончив даже интернатуры. Если бы я ещё знал тогда, что мой соперник тоже не будет взят на кафедру анестезиологии адъюнктом! Причиной тому, говорят, была старая вражда его отца с тогдашним начальником Главного военно-медицинского управления МО СССР (ГВМУ МО СССР). Увы, это стало известно лишь несколько лет спустя. А тогда... Тогда, вкусив «прелесть» 3-х лет службы и жизни в Брянских лесах в ракетных войсках после училища и 2-х лет работы начальником медицинской службы учебного отряда, очень хотелось уже определиться и стать врачом – специалистом. Да и пора было – шёл уже 32 год жизни. И потом, хотя сынок у нас был уже «большой» – почти 3 года, то дочурке шёл всего первый месяц жизни! Ясно, что возвращаться семьёй в таком составе на Север – очень нежелательный вариант.

Поэтому мною были перебраны доступные варианты и приложены все возможные усилия. Наверное, к счастью, совпало, что командование академии было обеспокоено тем, что в адъюнктуру было набрано всего 6 вместо требуемых 20-25 человек. Командование академии послало запросы начальнику ГВМУ МО и медицинской службе Северного флота о разрешении мне обучаться на факультете усовершенствования врачей по анестезиологии. Безрезультатно! Аналогичный запрос о разрешении мне обучаться в адъюнктуре по хирургии. Эффект тот же. А время-то летит, и пора уже возвращаться к месту службы в Архангельск.

Кроме всего сказанного, это были времена, когда академию возглавлял такой человек и специалист, который управлял ею, а не правил как его последователи после Г.М. Яковлева. Он знал нужды и состояние областей и направлений научной и практической медицины, да, пожалуй, и каждой кафедры академии. Он следил за кадровой политикой и комплектованием подразделений.

Это был Николай Геннадьевич Иванов! Его кадровую политику, естественно, проводили в жизнь его заместители и начальник отдела кадров Николай Матвеевич Шуленин.

Очевидно поэтому, руководством академии было предложено мне пойти в адъюнктуру на кафедру, на первый взгляд очень далёкую от анестезиологии. Первое желание (может и верное ?) было отказаться. Ведь я эту кафедру практически не помнил с периода учёбы в академии. Но мне рекомендовали сначала сходить, посмотреть, поговорить, представиться и тогда сказать своё решение.

Кафедра «Медицинского оснащения и техники» (МОТ) находилась в новом, высотном по тем временам здании учебно-лабораторного корпуса академии у Финляндского вокзала. Начальник кафедры оказался в отпуске. Поэтому я представился его заместителю И. Н. Ждановичу. Немаловажным обстоятельством для меня явилось то, что он тоже был врач, оканчивал в своё время нашу академию, участник Великой Отечественной войны. Главное в нашей беседе прозвучало то, что он не рекомендовал мне идти на кафедру по ряду причин и главное потому, что начальник кафедры был против того, чтобы на кафедре работали врачи. Что это такое, во что это выливается и к чему это ведёт, показали дальнейшие жизненные коллизии.

У меня, по вышеприведенным причинам, практически не было выбора. Брошенные на чашу весов «За» вышеперечисленные обстоятельства перетянули чашу с неясными мне тогда доводами «Против». Не мог я тогда предполагать, что очень скоро избранный путь не пожелал бы врагу своему. И не смотря на такое мнение моего возможного начальника, я согласился идти адъюнктом на эту кафедру, написал рапорт и уехал к месту службы.

И потянулись долгие месяцы неопределённости и ожидания. Каким образом, и в каких инстанциях решалась моя судьба можно только предполагать.

Долго ли коротко ли, но в один прекрасный августовский день в учебный отряд поступила выписка из приказа министра обороны СССР о зачислении на учёбу в адъюнктуру ВМедА им. С.М. Кирова меня – капитана медицинской службы Яковенко Антона. Обход с бегунком, сдача

дел и должности начальника медицинской службы выпускнику нашей академии, прощание с коллективом медицинской службы и учебного отряда. Сборы домашнего скарба, благо нажито немного и всё вошло в один контейнер. Спасибо за всё хорошее, до свидания, а может быть и прощай, Архангельск!

Здравствуй, вновь, Питер!!!

Ситуация позволяла отдохнуть и побыть с семьёй хотя бы несколько дней. Можно было, но ... Но я очень спешил скорее попасть на кафедру. Спешил ... И вот переступаю порог начальника кафедры. Представляюсь ему как положено. Вместо приветствия и знакомства, с гримасой на лице, он рекомендует мне вернуться на кафедру анестезиологии, куда я сдавал экзамены в адъюнктуру. Да я бы, как говорится, с дорогой душой! Прикладываю все усилия, чтобы выполнить эту рекомендацию ... Это сегодня я уже достаточно ориентируюсь в академической структуре. Хотя и здесь всё течёт, всё меняется. А тогда пришлось набраться терпения и искать выход. Было большое желание скорее определиться и начать работать. Но где? На кафедре анестезиологии хотели меня взять на вакантное место адъюнкта. Ведь они остались без адъюкта, из двух кандидатов не взяли ни одного! В верхах шли разговоры, переговоры, согласования ... Если перефразировать известный анекдот то получалось, что вроде по отдельности все «за», но как соберутся вместе все «против». Только спустя много лет стало известно, что начальник академии тогда стоял твёрдо на своей позиции: на кафедре « Медицинского оснащения и техники» должен быть врач, тем более имеющий и техническое образование. И хотя мне довелось прожить нелёгкую жизнь на этой кафедре, спустя более четверти века я с ним полностью согласен. А тогда в руководстве академии мне было сказано:

– Работайте спокойно, как следует, с соблюдением воинской, партийной и трудовой дисциплины.

Сказать легко, а вот жить и работать спокойно при таком отношении невероятно сложно, а зачастую и не возможно. Наверное, разговор командования был и с другой стороной – с начальником кафедры? Хотя говорить о доброжелательном отношении не приходилось. Начальник кафедры также стоял на своей позиции: так или иначе добиться, чтобы врачей с кафедры убрать. И не равная борьба продолжалась, принимая разные, порой уродливые, формы всю мою учёбу в адъюнктуре и после неё, вплоть до его ухода с кафедры по болезни. Но, тем не менее, был решён главный тогда для меня вопрос: где трудиться?

Тогда я ещё раз убедился в справедливости утверждения о том, что нет лишних знаний и умений. Рано или поздно они пригодятся, да ещё не однократно. Знания по так называемым общественным наукам (в то время это философия, психология, политэкономия и др.) помогли разобраться в хитросплетениях обстоятельств, событий и фактов, поступках людей разных времён. Эти науки мною изучались всегда с большим вниманием, интересом и увлечением. Думаю, это позволило выработать мировоззрение и жизненное кредо, уверенность в том, что всегда победит правда, добро и справедливость, что, прежде всего интересы дела, а потом всё остальное. Отсюда устойчивость во всяких испытаниях и передрыгах, упорное продвижение к намеченной цели. С другой стороны, если пользоваться категориями из названных научных областей, то надо сказать, что нет ничего в нашем мире абсолютного.

В коллективе кафедры МОТ, как всегда, были очень разные люди: от «державших нос по ветру» и выполнявших всё, что угодно начальству, до людей самостоятельных, насколько это возможно в вооружённых силах, порядочных, настоящих специалистов, педагогов и настоящих учёных. Да и складывающаяся ситуация на кафедре была не столь уникальная. Сколько угодно кафедр, научных коллективов и в академии и в других вузах, где трудятся специалисты разного профиля, направлений и специальностей. И естественно, что в зависимости от того, какого профиля специалист (на протяжении десятилетий, веков они меняются) возглавляет кафедру (коллектив) – меняются направления и акценты деятельности кафедры. И уж конечно больше внимания и продвижения по службе имеют специалисты профиля, к которому принад-

лежит лицо, возглавляющее коллектив. Находясь в таком коллективе, не сразу, но со временем это можно понять и даже согласиться. Но при соблюдении главного условия: не должно страдать дело, ради которого создан и существует коллектив! А далее, уже в зависимости от личностных качеств человека, стоящего во главе коллектива, деловая и кадровая политика ведётся честно, открыто и благородно или подло, с использованием возможных и не возможных, чаще не порядочных способов и средств, келейно, по двойным и более стандартам, применяемым к разным членам коллектива. Спустя много лет, мне кажется, что этот «аптекарский король» имел потребность и не упускал возможности унижить любого врача, особенно младшего по положению и званию, оскорбить его достоинство, растоптать его честь, спровоцировать его на дурной поступок. И если ему это удавалось, он испытывал огромное наслаждение. Моё счастье, что я интуитивно это понял довольно быстро и сумел, достаточно успешно, противостоять.

Как это выглядит в реальной жизни, может быть не безынтересно, а кому-то в чём-то, возможно и поучительно, проследить на примере одной из ниже излагаемой вариации на данную тему.

1.3. «СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, НО НЕ ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ» ИЛИ АДЬЮНКТУРА.

Может не каждому из читателей известно, что такое *адъюнктура*?

Адъюнктура, если кратко— это военная аспирантура. Если более развёрнуто — это один из видов (основной) подготовки научно-педагогических кадров, или проще и точнее подготовка преподавательского состава для высших военно-учебных заведений. Протекает она или этот период жизни очень по разному. Это зависит от многих обстоятельств. Прежде всего, зависит от самого адъюнкта и от тех, кто стоит над ним на кафедре и в вузе, от того насколько серьёзные задачи он поставил сам перед собой и поставлены перед ним научным руководителем и командованием вуза. В значительной степени это зависит то того, в каком режиме трудится адъюнкт. Условия его работы могут быть от режима максимального благоприятствования до условий, когда адъюнкту приходится идти «сквозь револьверный лай». На нашей кафедре имели место оба эти крайние варианты.

По первому вели своего родного адъюнкта, на семь лет моложе меня, Щукхве Петра. Провизор, два года назад, окончивший фармацевтический институт во Львове. До адъюнктуры прослужил на одном из центральных медицинских складов в Подмосковье.

По второму варианту выпало идти мне. Всякое бывало у каждого из нас за годы адъюнктуры, и удачи и неудачи, ошибки и проблемы, свои радости и неприятности. Но насквозь, как говорится, красной нитью или стержнем, во всех областях деятельности, работы, службы, общественных нагрузок проходило: свой и чужой, провизор и врач. В чём и каким образом это проявлялось, будет видно из дальнейшего повествования.

В принципе это сводилось к тому, чтобы первому давать задания и обязанности, позволяющие ему совершенствоваться, продвигаться по специальности, создать условия для дальнейшего научного роста. Второму же давать такие поручения и нагрузки: ответственный за ДОСААФ, подписку, спорторг, дознаватель, наставник и т. д. и т. п. — чтобы он не имел времени, не то, что вращаться в новые для него вопросы по фармации, но и заниматься диссертационными исследованиями, публикациями. Тем более совершенно не учитывались интересы его семьи, в которой, между прочим, росли двое маленьких детей. Т.е. «работа» со вторым адъюнктом велась по известному принципу «чем хуже для него, тем лучше». При этом, что уж совсем плохо, попирались элементарные нормы и правила объективности, справедливости, воспитания, а подчас и порядочности в коллективе.

Никоим образом не пытаюсь иронизировать, как сейчас модно среди бывших коммунистов, над партийной системой в ВС. Однако считаю своим долгом сказать и проиллюстрировать, несколько позднее, как тактику постоянного прессинга и в силу своей моральной нечи-

стоплотности начальник кафедры пытался использовать партийную организацию кафедры и даже партийную комиссию академии в тех же целях.

Как удалось всё это выдержать, мне не понятно сейчас и самому.

Одним из решающих обстоятельств, очевидно, явилось то, что я был в родном доме – в Alma mater, в академии. На кафедре, особенно первые годы, я был, как правило, чужим, изгоем, иногда даже мальчиком для битья. Вне кафедры я был свой. На многих кафедрах были мои учителя, однокурсники, друзья и товарищи по совместной работе, учёбе, спорту, науке. Я не боялся любой работы. Любое задание, поручение я старался выполнить как можно лучше. Как правило, получал за это благодарности, грамоты и даже именные подарки от руководства академии, соответствующих служб и подразделений. Мне везло на хороших людей. Как я уже говорил, были они и на кафедре МОТ. По крайней мере, порядочные, хотя бы в разговоре «один на один». О многих из них мне и хотелось бы далее рассказать.

Ключевым моментом в начале адъюнктуры является выбор и утверждение на Учёном совете академии темы диссертационного исследования. В период работы в научном кружке и позже, когда я готовился в адъюнктуру по анестезиологии, мною было намечено ряд тем, которые могли стать темой диссертации. Здесь же для меня, особенно по началу, многое было не ясным. Это потом постепенно всё стало на свои места. Я убедился в том, что моё врачебное и техническое образование, опыт работы анестезиологом и руководства, довольно большим коллективом медицинской службы учебного отряда, позволяли использовать меня руководством кафедры с большой пользой для обучения будущих врачей, врачей, да и провизоров, проходящих совершенствование по вопросам обеспечения медицинским имуществом, технического обеспечения медицинской техники корабельных сил флота, частей и учреждений медицинской службы ВС. Таких знаний и опыта просто не было у провизоров, составляющих основу преподавательского состава кафедры МОТ. Мнение руководства кафедры было известно с самого начала, а мне требовалось время разобраться, найти и завоевать достойное место на кафедре.

Сразу было ясно, что тема диссертации должна быть связана с флотом. Но какая именно? Ждать помощи от научного руководителя не приходилось, так как им был начальник кафедры – товарищ Рябоконь. Как часто бывает в жизни – помог господин случай. Кафедра была включена в комплексную научно – исследовательскую тему, связанную с разработкой медицинского обеспечения авианесущих кораблей ВМФ. По предложению патриарха кафедры по обеспечению медицинским имуществом сил флота Усеина Аблезовича Тарханкута мне поручили вести эту тему, а за одно утвердили близкую по смыслу тему диссертации. Таким образом, через 14 лет после занятий в Одесском аэроклубе и попытки поступления в Ейское авиационное училище, через 8 лет после поступления в военно-медицинскую академию, с задумкой заняться авиационной медициной и летать, волею судьбы, я опять на прямую вышел на авиацию. Да ещё как, на многие годы, на новый вид морской авиации – корабельную или палубную авиацию! И несмотря ни на какие передрыги, сложные и тупиковые ситуации, я по сей день благодарен судьбе, помощи Усеина Аблезовича в выборе темы. Последующие 3-4 года я жил этой темой, условно выделяя будние и праздничные дни, работу и отдых, дни и ночи. В течение 25 лет работы на кафедре это направление всегда оставалось моим.

В те времена требовалось, чтобы научным руководителем у диссертанта был доктор наук, а т. Рябоконь был кандидатом наук. И вновь я должен благодарить судьбу. При содействии начальника кафедры организации и тактики медицинской службы флота Григория Платоновича Донченко, профессор, заместитель начальника кафедры военно-морской и госпитальной хирургии Олег Борисович Порембский согласился быть вторым научным руководителем адъюнкта академии Яковенко А.

Олег Борисович был видным военно-морским хирургом, наделённым божьим даром воспитателя. Он любил и умел работать с будущими военно-морскими врачами, пользовался авторитетом среди слушателей 4-го факультета. Это был человек своего времени и среды. Креп-

кого физического сложения и здоровья, добродушный, доступный и общительный человек, соблюдавший устоявшиеся традиции и образ жизни большинства офицерского состава флота. Он глубоко прочувствовал, понимал, очень уважал, любил труд морского офицера и врача-хирурга. Поэтому он живо и наглядно учил нас самоотверженной работе военно-морского врача в целом и отличительной работе этого врача как хирурга на подводных лодках и надводных кораблях в море. Вот один из его приёмов, позволяющий убедить нас в важности хирургической подготовки начальника медицинской службы подводного ракетного крейсера. Он рассказывал:

– Врач, убедившись в неэффективности проводимой им консервативной терапии, развёртывает операционную в кают-компании подводной лодки и начинает операцию аппендэктомии (удаление воспалённого червеобразного отростка). Как всегда в условиях корабля без квалифицированного ассистента и тем более руководства. Провёл успешно ряд этапов операции. После длительных попыток найти и выделить воспалённый отросток, стало ясно, что лучше остановиться. С разрешения командира корабля посылается срочное сообщение в адрес флагманского врача:

«Нахожусь 4 часа в брюшной полости по поводу аппендэктомии. Отросток выделить не удаётся. Прошу помощи». По решению командующего флотом, атомная подводная лодка (АПЛ) вынуждена была нарушить свою скрытность, сорвать выполнение задачи боевой службы и двигаться в указанный район Средиземного моря для передачи больного на плавбазу подводных лодок.

–Так что делайте выводы, будущие корабельные доктора! – подводил он итог беседы.

Зная превосходно организацию хирургической помощи на корабельных силах флота, Олег Борисович не мог в деталях вникнуть в сложности и специфику организации обеспечения медицинским имуществом авианесущих кораблей ВМФ. Кроме значительной разницы в возрасте, жизненном опыте мы ещё очень отличались взглядами и образом жизни. Этот колоритный человек был жизнелюбом в понимании, которое утвердилось в то время в определённой части нашего общества: уважал нормы и правила Вакха и табакокурения. Я же в те годы всё больше уходил от этих правил и формировал в себе жизнелюба, живущего по правилам здорового образа жизни. Об этом я тогда начинал и на протяжении последующих 20 – 25 лет активно писал на страницах академической газеты «Военный врач» и Военно – медицинского журнала.

Данные обстоятельства очень смущали меня и я долго не решался обратиться к Олегу Борисовичу. Но сомнения быстро развеялись с первых минут нашей встречи. На мой взгляд, Олег Борисович преподнёс мне урок как важно уметь выделять главное, объединяющее интересом к делу, к новому, ко всему, что служит флоту и медицине.

Забегая вперёд, следует сказать, что на протяжении нашей совместной работы он не был просто «свадебным генералом», а являлся духовным наставником, прекрасно ориентировался и брал проблему в целом, сделал много ценных и дельных советов и рекомендаций. Особенно на заключительных этапах работы. Тем более, что цель и план диссертационного исследования были комплексными и предусматривали изучение и использование опыта медицинского обеспечения авианосцев иностранных флотов, изучение конструктивных особенностей и размещение личного состава на отечественных авианесущих кораблях, определение вероятных санитарных потерь и заболеваемости личного состава, разработку структуры и организации работы медицинской службы на кораблях такого класса. А затем, на последующих этапах исследования, уже ко всему этому «привязывались» т.е. разрабатывались и обосновывались медицинское оснащение и организация обеспечения медицинским имуществом и техникой кораблей данного класса и корабельной авиации.

Как бы там ни было, но жизнь на работе вроде налаживалась. Начался процесс освоения учебных дисциплин кафедры. С интересом, пользой и даже где-то с удовольствием посещал занятия, проводимые лучшими тогда преподавателями кафедры И.Н. Ждановичем, У.А. Тар-

ханкутом и конечно же начальником кафедры. Активно привлекался к изготовлению силами постоянного состава кафедры наглядных пособий, учебных стендов в классах. Изучал рекомендованную мне литературу по специальности.

Очень беспокоила в этот период и одна из основных, постоянно волнующая тема – жилищная проблема. Моя семья из пяти человек, в т.ч. грудной ребёнок, жила на квартире у родителей жены. В трёхкомнатной квартире «хрущёвке» жило 11 человек, представители четырёх поколений. Старшего нашего ребёнка, сына, пора было устраивать в садик, а прописки не было. Чтобы ускорить как-то переезд в общежитие гарнизона г. Ленинграда, где нам давали комнату от академии, пришлось даже помогать делать ремонт нашему предшественнику по этому жилью.

И вот ближе к новому 1975 году мы перебрались в эту комнату на Литейном проспекте. Тогда это казалось для нас прекрасным выходом. Начался процесс освоения и благоустройства одной комнаты площадью в 29 квадратных метров под «удобную и красивую» жизнь семьи из 5 человек (бабушка, мы с женой и двое детей). Комната, с помощью тросов и занавесок, была разделена на прихожую, совмещённую со столовой, комнату отдыха, детскую, где находилась и бабушка, и спальную для родителей, т.е. нас с женой. Живи и радуйся!

Хотя свободного времени было очень мало, в нашей семье планирование и использование его охватывало интересы всех членов семьи. Как правило, замысел, организация и приобретение билетов было за мной. Реализация наших замыслов и возможностей по использованию огромных культурных и спортивных ценностей Ленинграда, для отдыха, воспитания и развития всех и особенно детей во многом зависела от самоотверженности нашей бабушки (моей матери) Ольги Савельевны. Кроме того, она брала на себя значительную часть бытовой работы по кухне, на которой, кстати, готовило 18 семей, по дому, по уходу за детьми. Благодаря выше-сказанному состоялся первый культпоход с сыном в цирк на Фонтанке, затем в театр кукол на ул. Некрасова. Это привело его в восторг и дало много пищи для воспоминаний, вопросов и разговоров.

Взрослые с удовольствием посещали «наш домашний» Дом офицеров, его библиотеку, кинотеатр и концертный зал. Благо рядом, пять минут ходьбы. Вызвал восхищение, к счастью сохранившееся до сего дня, концерт, тогда ещё молодого, начинающего певца Сергея Захарова. Прекрасные вокальные данные, голос, внешность и репертуар. Наверное, большего ему удалось бы достичь, если бы не досадная, спровоцированная драка и судимость в связи с этим. Кинофильм Н. Михалкова «Свой среди чужих и чужой среди своих» очень понравился. В ситуации, в которой я оказался на кафедре, он был очень своевременным для меня, вызвал много размышлений и утвердил в решимости продолжать дело, за которое я взялся. Многие аналогии по этому фильму, к сожалению, подтвердились в ближайший год и последующие годы в моей жизнедеятельности на этой кафедре.

Удавалось также, ещё более избирательно, посещать спортивные зрелища. В те годы процветал киевский футбольный клуб «Динамо»! За него к тому году, я болел уже 15 лет! Ежегодный приезд этой команды был праздником для её болельщиков, которых в Питере было не мало. Тогда ходили на Владимира Мунтяна, Олега Блохина, Леонида Буряка и других звёзд клуба. Обстановка на стадионе им. С.М. Кирова была тогда приятной: соблюдался приличный порядок, на трибунах не курили, не было пьяных – и главное: собирались для того, чтобы смотреть действо – футбол, а не хулиганить.

В те годы началось восхождение нашего любимого советского гроссмейстера Анатолия Карпова. Он был тогда тесно связан с Ленинградом. Мне удалось посмотреть его матч с Б. Спасским, и побывать на творческой встрече с ним в Доме офицеров. Его облик, мировоззрение, интеллектуальная шахматная игра и поведение, система и шкала ценностей были мне очень созвучны и близки. Такое уважение, интерес и «боление» за него прошли через все годы,

что он активно выступал, через испытания в «нашей совместной» борьбе с В. Корчным, Г. Каспаровым, стремление сыграть с Б. Фишером.

В этот период большая нервотрепка и занятость на кафедре (шестидневка, работа ежедневно до 19.00 и позже и др.), работа в помещении, гиподинамия, предшествующий адъюнктуре опыт и образ жизни, заставили меня восстановить ежедневную утреннюю зарядку, физпаузы и гимнастику в обеденный перерыв и вечером перед ужином. Каждое воскресенье, насколько позволяла погода, мы старались, с грудным ребёнком на руках, выехать подвигаться на природе, на свежем воздухе, с Финляндского вокзала в район Токсово – Кавголово или на Карельский перешеек в сторону Сестрорецк – Зеленогорск. Думаю, что такой «профилактический физкультурно – оздоровительный комплекс» явился одним из факторов, который помог выдержать, выпавшие на меня испытания.

Наконец подошли предновогодние хлопоты: многочасовые очереди, и даже ночью, за ёлочкой домой и на кафедру, сувениры и поздравления, новогоднее представление сыну в Доме офицеров.

Несмотря ни на что, с надеждами на лучшее мы встретили и вступили в новый 1975 год!

Итак, тема диссертационного исследования утверждена. Выясняется, что предстоит изучение по открытым и закрытым источникам опыта медицинского обеспечения личного состава в боевых и повседневных условиях корабельных сил США, Великобритании, Японии и других стран. Для этих целей требовалось хорошее знание английского языка. А практики, как у каждого из нас, увы не было. И вот, чтобы в сжатое время «более – менее» восстановить английский, решено пойти на платные курсы в Дом офицеров. Жизнь показала, что это было правильное решение и оно позволило с меньшими затратами времени и средств изучить ряд первоисточников в центральной публичной библиотеке, центральной военно-морской библиотеке, в Военно-морской академии, в Военно-медицинском музее и в ряде научно-исследовательских учреждений Ленинграда. Интересно отметить, что зарплата адъюнкта тех лет, имеющего не работающую жену и двух детей, и цены на такие услуги позволяли, не только обучаться на платных курсах, но и подписаться на газеты «Москов ньюз» и «Морнинг стар» на английском языке. Занятия проходили очень интенсивно с использованием суггестивной технологии.

К 30 годовщине Победы в Великой Отечественной войне издавалось много юбилейных сборников, трудов в различных областях знаний и науки. В академическом сборнике была размещена наша с И.П. Ковалёвым статья на тему «Медицинское снабжение войск блокадного Ленинграда». Это была моя проба пера на этой кафедре.

Уже в феврале 75 года я был включён в сетку расписания занятий с курсантами морского факультета. И вскоре столкнулся с «системой» «контроля» проведения занятий Рябоконом. После одного из занятий, на котором с проверкой никто не присутствовал, вызывает он меня к себе в кабинет. Иду, не зная, зачем вызван. Не получив приглашения сесть, слышу:

– Да, не далеко вы ушли от своих обучаемых. Обращаю ваше внимание на методику проведения занятий!

На мои уточняющие вопросы ответа не последовало. Позже я узнал, что он во время занятия стоял под дверью и подслушивал как преподаватель ведёт урок. Из его критики на кафедральном заседании в мой адрес я понял, что он услышал мои рассуждения о сравнительно меньшем объёме использования знаний, получаемых на нашей кафедре, выпускником на подводной лодке, чем на надводном корабле. Может плохая слышимость через закрытую дверь или замочную скважину исказила смысл, или он был искажён сознательно? Согласитесь, это резко меняет дело. Тогда у меня ещё были сомнения.

Однако время адъюнктуры идёт и нельзя забывать, что срок, по истечении которого ты должен положить на стол диссертацию, неумолимо приближается. Это обстоятельство тяжким грузом постоянно давит тебе на плечи. Выясняется, что работать над диссертацией можно только в вечернее время. После плановых занятий с курсантами и массы мероприятий: занятия

по специальности, кафедральные совещания, лекции и семинары по марксистско-ленинской подготовке, партийные собрания, общественные нагрузки и дополнительные задания руководства кафедры. Но работать надо с закрытой литературой, а библиотека работает до 16.30. Удалось взять разрешение у заместителя начальника академии по учебной и научной работе на то, чтобы завести отдельный рабочий чемодан с грифовой литературой и сдавать его в 23.00-24.00 дежурному по учебно-лабораторному корпусу (УЛК) на хранение. Все условия для работы! Твори! Выдумывай! Пробуй!

И всё же следует объективно отдать должное Рябоконю в следующем: он сам относился серьёзно, много работал, в т.ч. в учебно-методической сфере, и строго требовал такого же отношения к делу от подчинённых. Такая требовательность, усиленная постоянным прессингом и необъективностью, была серьёзной и суровой школой для меня, как для начинающего преподавателя так и на всю оставшуюся жизнь.

В отличие от классического варианта проведения диссертационного исследования, когда раздел по обзору литературы, истории и состоянию изучаемого вопроса (проблемы) пишется ближе к концу исследования, под материал главных разделов, мне начальником кафедры была поставлена задача – написать его к концу первого года адъюнктуры. Получив такое указание, стараюсь выполнить его в срок.

История вопроса, опыт иностранных флотов важен, но необходимо изучить опыт родных отечественных авианесущих кораблей. Связь с кафедрой ОТМС флота, позволила узнать, что в Севастополе базируются наши противолодочные корабли (ПКР) вертолётоносцы «Москва» и «Ленинград». Один из них планирует летом выход в Средиземное море на боевую службу. С большим трудом, вопреки возражениям Рябоконя, мне удалось доказать и вырваться в командировку на этот корабль. Но проволочки и задержки сделали своё дело. За несколько часов, до того как я примчался в Севастополь, ПКР «Ленинград» ушёл на боевую службу в Средиземное море. Догнать его уже было выше моих сил. Но нет худа без добра! Конечно, самое ценное это работа непосредственно на корабле в море. К счастью это удастся наверстать спустя год на тяжёлом авианесущем крейсере (ТАКР) «Киев». Пока же представилась прекрасная возможность в управлении медицинской службы Краснознамённого Черноморского флота засесть за отчётную документацию по обоим ПКР за весь период их эксплуатации в составе ВМФ СССР. Информация по заболеваемости и медицинскому обеспечению личного состава в пункте базирования и на боевой службе, по обеспечению медицинской техникой и имуществом этих кораблей за несколько лет, позволили получить взвешенные и достаточно объективные базовые данные по проводимому исследованию.

Описываемые события происходят летом в июне месяце на родном Чёрном море, не так уж далеко от родной Одессы. Погода выпала прекрасная! И хотя приходилось плотно сидеть в Медотделе флота, всё же удавалось в обеденный перерыв спускаться на городской пляж и окунаться в самое синее в мире Чёрное море моё. А воскресный выезд на пляж Учкеевка под Севастополем, с семьёй Володи Евстратова, моего товарища по академии, жившего и работавшего в центре по подготовке космонавтов в Севастополе, привёл к тому, что я «сгорел» под лучами палящего южного солнца.

Удалось посетить и соседа по «красной казарме» в академии за время учёбы – Анатолия Синявского. Он служил начальником медицинской службы авиационного полка в Каче (под Севастополем). За дружеским застольем у него, кроме приятных и забавных воспоминаний о золотой поре учёбы в Питере, состоялось для меня и знакомство с не совсем приятным. Лучше бы такое знакомство проводить на теоретическом уровне. Но, как говорится, что было – то было. Принёс я в дом хозяев ёмкость с каким-то бальзамом и конфеты. Бальзам всем понравился. Но мне наверное – особенно. И за вечер я многократно к нему приложился, несмотря на предупреждения более опытных в этом людей, что это чревато последствиями. Я же считал, что меня такой напиток не возьмёт. И действительно всё было хорошо. Но когда гости разошлись,

к сожалению и к стыду моему, интоксикация названным напитком привела к неестественному очищению организма, говоря медицинским языком «per os». Век живи – век учись. Одним словом командировка была очень разноплановая и полезная во многих отношениях.

Мало по – малу, по мере работы с литературой, с материалом Медотдела Черноморского флота накапливалась информация для составления первой главы диссертации и для печатания статей, что также необходимо и жизненно важно для адъюнкта. После нескольких попыток представить статьи от кафедры МОТ стало ясно, что это ...не реально. Разными способами они блокировались или затягивались на неопределённое время. После обсуждения ситуации с О.Б. Порембским было решено статьи отправлять в печать от других кафедр, в соавторстве с их представителями. Таким образом, удалось в этот период напечатать три статьи. Две – в Военно-медицинском журнале – центральном военном общемедицинском журнале при Главном военно-медицинском управлении в Москве. Одна из статей – по заболеваемости личного состава авианесущих кораблей отечественного и иностранных флотов, совместно с Геннадием Николаевичем Новожиловым (начальник кафедры военно-морской и радиационной гигиены). Вторая – по организации обеспечения медицинской техникой и имуществом авианесущих кораблей иностранных флотов, совместно с Григорием Платоновичем Донченко (начальник кафедры ОТМС флота). Третья статья – по методике использования дезинфицирующей аппаратуры на кораблях ВМФ, в т.ч. на авианесущих, – была напечатана в закрытом сборнике молодых учёных одного из институтов ВМФ, совместно с Костей Раевским (параллельно учились в адъюнктуре).

Этот период в работе адъюнкта можно назвать периодом накопления фактов (материала) когда он всё жадно «гребёт под себя». Но, как говорил И.П.Павлов: – важно не утонуть в этом море фактов. Раньше или позже, но наступает момент, когда эти факты надо «разгрести» т.е. анализировать, систематизировать, расставлять и использовать.

К назначенному сроку Рябоконом мною была представлена первая обзорная глава будущей диссертации и список опубликованных мною статей, в которых были освещены рассматриваемые вопросы. Пусть с замечаниями и оговорками, но эта глава была принята и одобрена на кафедральном заседании.

В ходе исследовательской работы налаживалась связь с начальником медицинской службы авиации ВМФ Д.Т. Лукашуком. Изучение его диссертации, высланной в академию по нашему запросу, и диссертаций И.С. Гурина позволило скорректировать направления научного поиска и правильно использовать уже имеющийся материал. Огромная польза была от работы с материалом А.Т. Казакова одного из кораблестроительных учреждений ВМФ. Этот материал позволил взять за модель исследования и подготовиться к командировке на, уже упоминавшийся, перспективный отечественный авианесущий корабль, ТАКР «Киев».

Пора, наверное, упомянуть и о другой стороне подготовки адъюнкта – о методической подготовке его, как будущего преподавателя. Наряду с проведением разных видов этой подготовки поручалась и разработка учебно-методических материалов. Для начала была составлена мною методическая разработка к практическим занятиям с учебной группой хирургов VI факультета и даже первая лекция для слушателей факультета руководящего медицинского состава по организации обеспечения медицинским имуществом вооруженных сил блока НАТО и Франции. Чтобы написать лекцию на эту тему, на этом уровне, пришлось изучить достаточно много специальной доступной открытой и закрытой отечественной и иностранной литературы.

Жизнь многообразна в своих проявлениях. Многое в ней причудливо переплетается. Среди медиков есть мнение, что в организме человека ничего нет лишнего, из того, что создано природой. Даже такой атавизм как червеобразный отросток во чреве человека, о котором уже шла речь несколько ранее по другому поводу.

Но, тем не менее, по разным причинам этот отросток, у кого-то из нас вдруг воспаляется. По собственным наблюдениям могу предположить, что одна из способствующих причин или обстоятельств, способствующих этому, является гиподинамия или малоподвижный образ жизни.

Вот как это произошло у меня. Несколько недель удалось (с другой стороны пришлось) плотненько посидеть за рабочим столом. Каждый день до 23.00 работа на кафедре и только по субботам в 22.30 – бегом через Литейный мост, в баню на улице Чайковского. И вот как-то под утро я почувствовал сильную боль в правом боку снизу. Даже проснулся от боли. Всё же сделал физзарядку, позавтракал и поехал в местную командировку на улицу Рузовскую в одно из научных учреждений ВМФ.

Среди людей непосвящённых считается, что местные командировки, библиотечные дни являются просто прикрытием или «легендой» для всяких личных и семейных дел. Наверное, бывает и так. Но по моему личному опыту такие дни – одни из самых напряжённых трудовых дней. Особенно если приехал работать в закрытое учреждение на ограниченное время. Требуется в сжатое время завести рабочую тетрадь, выбрать, проработать и сделать выписки из многих литературных и других источников и, наконец, оформить отправление материала в своё учреждение.

Такой день выдался и на сей раз. Пришлось, несмотря на боли, терпеть, изворачиваться, в прямом и переносном смысле, но дело довести до намеченной кондиции. Во второй половине дня удалось показаться в хирургическую клинику. Диагноз развеял мои сомнения – аппендицит! Пообедал дома. Пришёл на кафедру, доложил Рябоконю, хотя сделать это в такой ситуации нужно было по телефону. От Финляндского вокзала своим ходом на метро до приёмного покоя №2, у Витебского вокзала. Оформили документы, жду более часа – нет санитарного транспорта, чтоб отвести меня в дежурную хирургическую клинику у Финляндского вокзала. На свой страх и риск, своим ходом на метро еду в приёмный покой №1 у Финляндского вокзала. Там опять длинные, тягучие заморочки. Надоело терпеть боль, начинаю возмущаться. Наконец своим ходом, около 20.00, поднимаюсь на 2-й этаж (!) на кафедру факультетской хирургии.

Премедикация в палате. Довольно быстро взяли в операционную. Операционный стол. Началась операция. Местная анестезия. Разрезы. Фиксация краёв разреза. И тут началось. Длительные попытки оперирующего найти и выделить отросток безрезультатны. Мало того, настойчивые подёргивания за брыжейку вызвали рефлекторную рвоту. Хорошо удалось фонтан направить в стену. Потом друзья-хирурги говорили, что надо было не в стену, а «в рожу» оперирующего, чтобы следующий раз думал, что делает. Тогда же я впервые подумал, что зря не подстраховался. Ведь в этой клинике работали хорошо знакомые и значительно опытнее, чем оперировавшие меня люди: преподаватель кафедры – мой бывший сосед по красной казарме и ординатор клиники – сосед по общежитию на Литейном. Но я настолько был уверен в простоте операции, что считал не нужным кого-то дополнительно беспокоить. В результате операцию мне проводил слушатель VI факультета, который приехал учиться откуда-то из Сибири, с ассистентом – курсантом 5 курса II факультета. Могло обойтись всё нормально, а могло быть и хуже, чем было. А пока, спасибо не стал «стервенеть» оперирующий, как говорят хирурги, остановился и пригласил дежурного врача. Приглашённый – профессор А. Курыгин, повёл с пациентом, т.е. со мной успокоительные разговоры и предложил вести далее операцию под общей анестезией, как говорят в народе «под наркозом». Зная, что в такой операции наркоз ещё более рискованный чем сама операция, я попросил провести проводниковую анестезию по Школьникову или что-либо подобное. Не знаю, по какому способу провели анестезию, но обошлись без общего наркоза и общими усилиями удалось найти и удалить злосчастный отросток.

Ну, теперь не страшно отправляться даже в Космос!

Уже в 6.30 следующего дня я делал физзарядку в палате клиники и даже отжимался на спинках кроватей, не напрягая мышц живота. Хотя заживление было вторичным, но уже через пару месяцев только шрам напоминал об этой истории.

Время летит. Детки растут. Летом мы отправили Андрея с академическим детским садиком на детскую дачу в посёлок Александровка под Сестрорецком. Всё вроде не плохо, но ребёнок очень скучает. Я его прекрасно понимал, так как помнил тоску в летнем пионерском лагере под Одессой, куда меня когда-то отдавала моя мама. Здесь также была плохая организация отдыха и занятости детей. На море только выводили, не давая купаться. А он с нами привык много купаться и плавать. Благо по воскресеньям, когда мы, родители, забирали его с собой на море, он купался вволю.

В это лето одна из моих двоюродных сестёр привезла с мужем свою старшую дочь поступать учиться в Педиатрический институт. Случай этот примечателен тем, что в нём до анекдота доходит смещение акцентов и замещение понятий как должно готовиться и поступать в институт. Приезду сестры предшествовала переписка с ней, мои хождения в приёмную комиссию института, высылка абитуриентке условий приёма, советы как лучше подготовиться. Когда гости приехали, как и договаривались, абитуриентка была показана преподавателю кафедры химии нашей академии, с просьбой оценить её подготовленность. Мнение преподавателя было для нас неприятным: девочка очень слабо подготовлена. Была мысль о том, что может быть были предъявлены завышенные требования. После личной беседы с ней по самым общим вопросам по химии эти сомнения отпали. Да, с такой подготовкой, трудно рассчитывать на успех задуманного. Тем более, что времени до экзаменов оставалось крайне мало, а репетиторство тогда не было принято.

Пока девочка готовилась, с остальными членами семьи гостей было совершено несколько пеших экскурсий по нашему городу – музею. Очень приятное это занятие и повод для нас самих полюбоваться одним из красивейших городов мира – Ленинградом. Я всегда с удовольствием выступаю в качестве гида, когда к нам приезжают гости.

Родители, узнав мнение о подготовке и перспективах дочери, предложили выйти из положения с помощью денег. Когда выяснилось, что я в таких вариантах не компетентен, на меня была страшная обида на много-много лет. К сожалению, попытка вышла не удачной. Гости уехали на Украину.

А мы «благоустраивали» свой быт. Чтобы обзавестись лучшим в то время в СССР союзе холодильником «ЗИЛ», по вечерам, несколько раз в неделю, ходили отмечаться в очереди при магазине «Электротовары» на Литейном.

У Андрея осенью начались неприятности с аденоидами. Консультации, консервативная терапия. Пять дней в неделю отвожу его в детский сад, а затем на работу, где опозданий не допускается.

Были популярными в те времена, так называемые, творческие встречи с работниками искусства. Тогда мы ходили на них с интересом и удовольствием. Однако, по разным причинам, не всегда тот образ, представление, которое складывалось у тебя как теле- или кинозрителя об артисте, совпадало с тем, что перед тобой открывалось на таких встречах. При чём и в одну (положительную) и в другую (отрицательную) стороны. Например, до чего здорово воспринимался образ пана-директора в кабачке «12 стульев» на телевидении. А вот творческая встреча со Спартаком Мишулиным, игравшим эту роль, увы, разочаровала. Невыгодно очень он смотрелся по сравнению с паном – директором. Очень понравились творческие встречи с Кириллом Лавровым и с Е. Леоновым. Несмотря на то, что последний весь вечер плакался, что его не признают и затирают. Такая ситуация в те годы мне была до боли знакома, но мне бы его проблемы – думал я.

В то же время, что такое раскрутить или затереть артиста мы наглядно увидели на примере сестры Софии Ротару. Аурика Ротару, изумительной красоты девушка, с прекрасным

голосом и репертуаром. Пела с прекрасным ансамблем «Мрия». Но этого всего оказалось не достаточным, чтобы завоевать известность и стать популярной певицей. Она наверняка превзошла бы свою знаменитую сестру, любимую и по сей день на всём постсоветском пространстве.

Не было месяца, чтобы взрослые члены нашей семьи не сходили 2-3 раза в концертный зал, театр или кинотеатр. Благо, когда живёшь в центре города, любой из названных объектов культуры находится в пределах 5 – 25 минут ходьбы от дома.

Такой довольно активной культурной жизни способствовало и то, что наша покупательная способность была выше в сотни раз по сравнению с сегодняшним днём, несмотря на то, что оклады наши того времени выглядят смехотворно по сравнению с сегодняшними окладами. Кроме того, получки мы получали ежемесячно, что называется день в день с 13 по 15 число. Отсюда уверенность в завтрашнем дне и возможность планировать свой бюджет, в т. ч. культурную жизнь семьи.

Человек, не знающий армию и флот, представляет себе, что там совсем другие люди, оторванные и отрезанные от окружающего мира. Конечно, в условиях боевых или систематических действий вступают в силу правила и законы военного времени. Но в условиях мирного времени, несмотря на определённую специфику, каждый офицер, сержант, солдат тысячами нитей, и не только семейных, связан с окружающим миром, страной, обществом и гражданскими лицами. Забегая вперёд, следует сказать, что именно такие связи способствовали разложению, как и всего общества и государства, одного из институтов последнего – вооружённых сил, начиная с т.н. горбачёвской «перестройки» и тем более в ельцинский период безвременья и беспредела.

Среди разных категорий военнослужащих тоже есть разные люди: труженики и лентяи, умные и не совсем, культурные и не очень, любители спорта и любители спирта, любители пива и любители шахмат. Вот о последних хотелось бы немного рассказать.

Вооружённые силы, в т.ч. ВМедА и кафедру МОТ не обошла стороной шахматная лихорадка, творившаяся в 70-е – 80-е годы в Советском союзе. Причём увлечение было столь сильным, что, не смотря на характер труда преподавательского состава: умственное напряжение при проведении учебных занятий, научных исследований, да в помещении, при малой подвижности – после работы разгорались жаркие шахматные баталии, с бурными эмоциями игроков и комментариями, присутствующих болельщиков. Дело благое, чрезвычайно интересное и увлекательное. Грешен и я в этом увлечении. Были периоды в моей жизни, когда я очень увлекался и позволял себе вдоволь отвести душу за шахматной доской, изучал шахматную литературу. Постепенно накопилась библиотека порядка 30 книг. Причём это увлечение много лет успешно сочеталось с увлечением бегом на длинные дистанции и офицерским многоборьем.

Однако в этот период, как я уже говорил, времени и так оставалось в обрез для занятий диссертационными делами. Не просто было удержаться и не дать себя затянуть в эти многочасовые шахматные баталии. Но и заниматься серьёзными делами в описанной атмосфере было не возможно. И я, пользуясь тем, что Рябоконь был в отпуске, перебрался на несколько летних месяцев работать в другое помещение – музей кафедры.

Но только было настроился на рабочий лад, как был срочно отправлен по распоряжению начальника кафедры на 40 дней командиром роты абитуриентов на лагерный сбор в учебном центре академии в Красном селе, тогда пригороде Ленинграда. Досталась мне рота № 13, последняя, в которой собирались последние из приезжающих абитуриентов – военнослужащих. Среди этой публики традиционно, а в том году особенно, большинство в этой роте составляли так называемые «туристы». Так их называли потому, что они ехали не поступать учиться, а использовали возможность попутешествовать, отдохнуть от службы в дороге и, если удастся на сборах в Красном селе и главное в Ленинграде. Однако у меня ещё довольно свежи были воспоминания о том, сколь много и напряжённо пришлось работать, в то время когда я

сам сдавал вступительные экзамены в этом же учебном центре. И какое это было интересное, не смотря на трудности, время.

Поэтому, а также учитывая моё личное отношение ко всякого рода тунеядцам, лодырям и прожигателям жизни и указания командования лагерного сбора по жёсткой требовательности и отбору кандидатов в курсанты академии, «туристы» приезжали и уезжали «пачками». Подавались мною на отчисление фамилии любителей самоволок, спиртных напитков, «красивой жизни», разгильдяев по внутреннему содержанию и внешнему виду.

И всё же из тех, кто остался в 13-й роте, поступили в академию прекрасные ребята, труженики, достигшие многого в жизни. Например, заместитель начальника кафедры одной из хирургических клиник академии доктор медицинских наук Ханев, начальник одного из факультетов академии доктор медицинских наук Попович, начальник одного из военных госпиталей Украины Панченко Н.М. и другие. С некоторыми из них много лет поддерживалась связь и даже дружба, с взаимными визитами по месту жительства. А тогда за работу по отбору абитуриентов я был удостоен благодарности от командования ВМА.

В сентябре у меня выходил срок очередного воинского звания – капитан медицинской службы. Замечаний по службе не было, даже вот появилась выше упомянутая благодарность. В адъютантуру я пришёл с майорской должности. То есть не было причин меня наказывать. Но Рябokonь тянул с представлением и провоцировал меня на резкие движения. Мало того, чтобы придать оправданность и весомость своим действиям, пытался даже привлечь меня к ... партийной ответственности за якобы плохое хранение партбилета. Тогда у него ничего не получилось, и он временно отступил.

Несмотря на все эти козни, я старался наверстать упущенное для диссертационного исследования время. Но не тут-то было – на меня навесили ещё одну, пусть и общественную, должность, требующую также затрат времени, – редактор кафедральной газеты «Военный провизор». Мои доводы и объяснения, что я врач и мне не корректно быть редактором газеты «Военный провизор» – были проигнорированы. А в армии приказ начальника – закон для подчинённых. Пришлось сесть за анализ этой работы и «разложить всё по полочкам»: выяснить сколько номеров за год и к каким датам готовятся выпуски газеты, сколько заметок в каждом номере, на какие темы кто будет писать заметки – чтобы участвовали все сотрудники кафедры и охватывались все стороны жизни коллектива. С этой целью каждому автору предлагалось за 2 недели до назначенного срока тема и размер заметки. Художественное оформление проводилось также с таким расчётом, чтобы к определённому празднику или событию газета была вывешена в установленном месте на кафедре, была интересной и красивой. Как правило, это удавалось. На конкурсах газет подразделений академии мы занимали призовые места. Сотрудники кафедры её читали, рассматривали, высказывали свои предложения и мысли.

Все годы обучения на морском факультете академии мне, в своё время, довелось ежегодно участвовать в том или ином качестве на Первомайском или Ноябрьском военном параде или демонстрации трудящихся на Дворцовой площади Ленинграда. Много раз, когда проводились эти торжества было холодно, сыро и даже снежно. Но, несмотря на это, празднично! И вот теперь как адъютант академии, уже с сыном Андрюшкой, 4-х лет от роду, весёлым, общительным парнем, смотрящим на мир восторженными, распахнутыми настежь глазами мы участвуем в демонстрации, в честь Великой Октябрьской Социалистической революции, в составе колонны Военно-медицинской академии, входящей в общую колонну трудящихся Выборгского района Ленинграда. В течение нескольких часов идём от Гренадерского моста через Петроградскую сторону до Дворцовой площади. В местах остановок и на площади, в атмосфере всеобщей эйфории, приподнятого настроения и веселья поём, танцуем. Проходя мимо трибуны с руководством города и командованием Ленинградского военного округа и Ленинградской военно-морской базы на Дворцовой, выкрикиваем здравицы в честь благородного труда военных медиков и нашей Alma mater. А затем пешком, а где-то Андрейка на шее у папы,

домой на Литейный. Конечно, всё это было заранее отрежиссировано и подготовлено. И правильно – праздники тоже надо готовить. А вечером от Литейного моста на Кутузовской набережной (что ни слово то поэзия, история) пошли всей семьёй смотреть салют у Петропавловской крепости. Каждый залп дружно сопровождаем громкими криками и восторгами. А дочка Ирочка, всего 2 годика было ей, смотрит на нас и не поймёт, чего это мы так радуемся и шумим. Но видя, что все смеются, тоже робко улыбается. Это зрелище достойно венчает наш праздник. За весь праздничный день восторгов и впечатлений масса.

–«Делу время, делу время, а потехе Ч – а – а – с ! – как пела одна из особо раскрученных наших певиц. Кстати, лично я всю свою жизнь ждал поумнеет ли она когда-нибудь и будет ли нести хорошее и доброе людям, своими песнями, видом и поведением, имея такой талантище. Но тогда, увы, так и не дождался.

Ну а в жизни наоборот: потехе час, а делу вр – е – е – е – мя!

Жизнь опять свела с рядом замечательных людей, увлечённых своим делом – делом служения военно-морской медицине.

Михаил Иванович Кондратьев – воспитанник военно-морской медицинской академии, истинный учённый военно-морской медицины. Он разработал уникальную методику изучения влияния подводных взрывов на организм личного состава кораблей ВМФ. Использование его данных, применительно к авианесущим кораблям, позволило определиться мне со средне-максимальными санитарными потерями от ведущих поражающих факторов ядерных взрывов на море. Определённые по его методике величина и структура механических повреждений личного состава кораблей такого класса и водоизмещения были наибольшими от ударной волны подводного ядерного взрыва. Михаил Иванович – человек чрезвычайно высокой культуры, интеллигентности и доброжелательности. У меня сложилось впечатление, что с первой нашей встречи между нами установилась взаимная комплиментарность. Совместная работа с ним меня очень многому научила и способствовала, не смотря на достаточно большую разницу в возрасте, возникновению дружеских отношений, которые мы поддерживали в течение многих последующих лет.

По ходу работы всё больше выясняется, что диссертационное исследование будет, как у нас говорят, прежде всего О – Т – М – С – ное, т.е. посвящённое вопросам организации медицинского обеспечения личного состава авианесущих кораблей в мирное и военное время. Кроме того я как врач мог быть соискателем учёной степени кандидата медицинских наук. Поэтому было принято решение сдавать кандидатский минимум по специальности «Организация медицинского обеспечения сил флота». Кандидатские минимумы по философии и иностранному языку у меня уже были сданы. Спасибо Г.П.Донченко за помощь в организации подготовки и приёма этого экзамена. На подготовку и сдачу экзамена ушло порядочно времени и сил.

В те времена было принято периодически на партийном собрании или на партийном бюро кафедры отчитываться коммунистам о своей работе, а адъюнктам – по выполнению плана адъюнктуры. Это была полезная система контроля. Несмотря на предвзятость ко мне, по указанным ранее причинам, считаю, что такие отчёты были полезны всем. Они позволяли систематизировать материал, осмотреться, оценить, что удалось сделать и что ещё предстоит сделать. Первый мой отчёт был по первой главе диссертации и прошёл без особенностей.

По непрерывно идущей методической работе в этот период хочется ещё раз отметить мудрость и порядочность У.А. Тарханкута, который был рецензентом очередной лекции подготовленной мною. Рецензент он был строгий, не всегда выносил лицеприятные суждения и выводы, но всегда по существу и справедливо.

Хочу возблагодарить судьбу за встречу на жизненном пути, науку и совместную работу с Виктором Ивановичем Юнкеровым. Более двух десятков лет мне посчастливилось встречаться и поддерживать не только деловые отношения с этим выдающимся человеком. Он при-

шёл в ВМедА из соседней Военно-артиллерийской академии на улице Комсомола. Профессиональный математик, кандидат военных наук он быстро врос в проблемы военной медицины и сделал очень много для поднятия военно-медицинской статистики и уровня математической обработки научных исследований в академии и в медицинской службе Вооружённых сил. Благодаря ему, удалось разобраться и использовать вероятностные методики, в т.ч. квантиль и повысить надёжность расчётов величины и структуры вероятных санитарных потерь и заболеваемости на авианесущих кораблях (АНК) как от различных видов оружия массового поражения так и от пожаров в мирное время.

Пожары, в связи с авиационным вооружением, были «ахиллесовой пятой» кораблей данного типа. Использование доступных источников литературных и других – позволило собрать и проанализировать, впервые в отечественной медицине, материал по этой тематике. Изучались данные по авианосцам США, Японии, Великобритании, Франции, Бразилии, Китая, СССР в период II Мировой войны и в послевоенный период.

Методику определения вероятных санитарных потерь от различных видов оружия на кораблях ВМФ различного типа, в плане выполнения совместной научно-исследовательской работы довелось разрабатывать совместно с А.С. Коноплёвым. Высокий профессионализм и культура работы были характерны для Александра Семёновича. К сожалению, постепенное отчуждение в последующие годы было вызвано всё большим расхождением в образе жизни каждого из нас. Условно говоря, образ жизни здоровый и не здоровый. Много лет я не жалел времени и сил на борьбу за здоровый образ жизни, против его антипода, который был очень распространён в советском обществе, а в постсоветский период, благодаря направленной «помощи Запада», достиг таких размеров и степени, что привёл к геноциду россиян. В те годы это не могло не сказаться и на наших взаимоотношениях. Однако, деловые отношения мы сохраняли на должном уровне все годы совместной работы.

По вопросам тылового обеспечения флота помогал разбираться известный балагур и любимец слушателей морского факультета многих лет выпусков – Борис Васильевич Терентьев. Он водил нас в шлюпочные походы по Неве и Ладоге и даже на о. Валаам. В работе с ним, казалось бы, скучные вопросы тылового обеспечения сил флота становились весёлыми, интересными, а местами даже смешными, при сохранении серьёзности подходов и решений обсуждаемых вопросов.

Кроме тесного общения и сотрудничества с сотрудниками второй родной (а может и первой, по крайней мере, в период работы над диссертацией) для меня кафедры-кафедры ОТМС флота, приходилось тесно сотрудничать и с кафедрой ОТМС (сухопутной и ВВС). В эти годы на ОТМС, идущие впереди на 1-2 года, адъюнкты Е.В. Красников и В.П. Пискунов, к счастью для меня, занимались вопросами лучевой болезни и санитарными потерями в общевойсковой авиации соответственно. Общение, совместная работа, обмен материалом и мнениями и поддержка друг друга позволили решить многие вопросы по данным направлениям применительно к медицинскому обеспечению АНК в военное время.

Смею надеяться, что контакты и сотрудничество в ходе наших диссертационных исследований и преподавательской деятельности были взаимно полезными для всех нас. Это было славное время нормальной ответственности и увлечённости своим делом ещё без финансовой стимуляции и беспредела.

Сложилась нехорошая привычка перед каждым праздником подбирать себе работу на дом или приходиться и работать на кафедре в праздничные дни. Засасывает, однако. И, к сожалению, не без последствий.

От длительной кабинетной работы, т. н. сидячих марафонов, сквозняков у меня резко обострился радикулит, переходящий в люмбаго и ишиас. При встречах, знакомые сотрудники кафедры нервных болезней настойчиво рекомендовали лечь на стационарное лечение. Но где там! Не до этого. Надо было делать диссертацию, вести занятия, ежедневно водить сына в дет-

ский садик. Так и перенёс жестокий радикулит на ногах, с амбулаторным лечением, с электрогрелкой на рабочем месте и дома. В тот период доктор Шварц на одной из процедур в физиотерапевтическом отделении академической поликлиники, на одном из занятий, демонстрируя мою правую ногу слушателям, делал очень мрачный прогноз:

– Видите мышцы бедра атрофируются, объём их меньше чем на другой ноге. Этот процесс будет стремительно нарастать.

К счастью ни такой прогноз, ни последствия с той поры в виде хлопающей стопы, не помешали мне довести диссертационное исследование до победного конца; не помешали, спустя 8-15 лет, пробежать 10 раз Ленинградский марафон «Пушкин-Ленинград»; за 8 лет тренировок и выступлений за сборную академии в 47 лет выполнить норму мастера спорта СССР по офицерскому многоборью, а выступать в сборной до 50 лет; построить, на 95% своими силами, дачу; плавать в бассейне и бегать кроссы лыжные и легкоатлетические и по сей день. Перефразируя известную поговорку можно сказать, что к счастью ошибаются пророки и в своём Отечестве.

И всё же грозный прогноз и главное часто беспокоящий радикулит заставили меня искать и подбирать систему профилактических и лечебных мероприятий по закаливанию, подъёму и поддержанию тонуса и устойчивости организма. С годами эта система неоднократно менялась, совершенствовалась, вводились для разнообразия новые элементы. Но основа её сохранялась. Может быть, она представит интерес для заинтересованных читателей. Хотя каждый из нас должен стремиться подобрать свою индивидуальную систему как составной элемент здорового образа жизни.

Основные элементы *моей системы* изложены в Военно-медицинском журнале и в академической газете «Военный врач» в статьях с М.П. Захарченко и успешно апробированы мною в течение более 40 лет, следующие:

1. *Ежедневно, 3 раза в сутки (обычно за 10-15 минут до приёма пищи) выполнять гимнастические упражнения*, в том месте где позволяет обстановка и обстоятельства: в квартире, кабинете, классе, коридоре, на лестничной площадке, в парке, на спортивной площадке и т.п. В период с 1975 по 1987 год, когда офицерская столовая академии работала так, что там было приятно и выгодно обедать, практически каждый раз по дороге из кафедры в столовую на обед я заходил в академический парк и проводил хорошую гимнастику на спортивных снарядах. Человека 3-4 из начинающих преподавателей заводил я туда за компанию, но, к сожалению, духа у них хватало на два – три посещения.

При этом, подбираются специальные упражнения, направленные на формирование мышечного корсета. Включаются упражнения на перекладине, брусьях, между двумя столами или стульями для растяжения своим весом межпозвоночных пространств, а также элементы самомассажа области поясницы и шейного отдела.

2. *Длинный бег (кросс, зимой лыжный) не менее 1 раза в неделю, в течение 40-60 минут.* Подводить себя надо постепенно, начиная с 5-10 минутных пробежек, с добавлением через 1-2 недели, по самочувствию, по 2-3 минуты. Бег, если нет противопоказаний, прежде всего, со стороны сердечно-сосудистой системы, наиболее общедоступен и демократичен по стоимости экипировки и выбору времени проведения пробежек. Бег может проводиться во дворе, в микрорайоне, на стадионе, в парке, лесу, практически в любое время суток и в любую погоду. Со временем, если позволит общее состояние организма, дистанция пробега будет увеличиваться до 10 –15 и более километров. Увлечение бегом может привести к участию в массовых пробегах и в соревнованиях, как это произошло у меня. Мне остаётся пожелать удачи и удовольствия от бега, от умения управлять собой, от результатов и эстетических впечатлений.

3. *Плавание в бассейне не реже 1 раза в неделю с сентября по май месяц.* Подразумевается, что каждый культурный человек научился плавать в детстве. Если это не удалось, то учиться никогда не поздно, практически в любом деле и в любом возрасте. Дерзайте. В любом случае, в

своём ритме и с адекватной для вас скоростью, отведенное по абонементу время: 30-45 минут – надо быть в движении в воде, т. е. плыть. Кроме закаляющего эффекта, общего тренинга, дыхательной гимнастики это позволит снять напряжение и нагрузку с позвоночника. Конечно, если начинать с нуля, то, как и в беге, необходимо соблюдать принцип постепенности наращивания нагрузки и прибавления дистанции. Определённое время: 1-2 месяца (4-8 посещений бассейна) уйдут на освоение свободного стиля плавания. Затем отрыв от стенки бассейна будет увеличиваться. Когда дело дойдёт до проплыва от бортика до бортика, с небольшими перерывами, будет добавляться количество таких проплывов. Как и в беге здесь также важен самоконтроль по самочувствию и общему состоянию организма. Следует помнить, что длительное стояние у бортика принесёт вместо пользы вред: по меньшей мере – простуду, а то и обострение радикулита. Желаю, чтобы каждый вход в воду и скольжение по водной глади вызывали у вас улыбку удовольствия.

4. *Купание (плавание) в озере (море, реке)*, с мая по сентябрь (октябрь) месяц, не реже 2-х раз в неделю по утрам, в качестве варианта утренней зарядки, и 1-2 раза в неделю в дневное время. Начинать такие купания целесообразно в тёплое время года, когда вода в водоёме и атмосферный воздух достигли температуры не менее 15-17 градусов. Конечно, когда начинать и заканчивать такие купания, зависит от климатической зоны, где вы живёте, от вашей воли и общего состояния вашего организма.

В любом случае требуется соблюдать ряд правил. Бежать до водоёма следует таким темпом, чтобы не вспотеть. На берегу сделать общую гимнастическую разминку суставов рук, ног и позвоночника. Переодеться в плавательное снаряжение (очки, плавки или купальник). Провести силовые упражнения: 10-15 раз подтянуться или отжаться. Зайти в воду, проплыть 15-20 метров (в холодное время года) или 20-50 метров (в тёплое время года). Во время вытирания интенсивно растереть всё тело и дышать по «Детке» Иванова (глубокий вдох, задержка дыхания на счёт 3-5 и глубокий выдох). Переодеться в сухую одежду по погоде. Бежать от водоёма медленным темпом, чтобы не вспотеть. Такие водные процедуры, как и бег, проводятся в любую погоду. Ну, разве сильный дождь может лишить вас этого удовольствия. Успешно откупавшись до сентября (октября) месяца, вы уже не сможете отказать себе в удовольствии связанном с этой процедурой, начиная с мая следующего года.

5. *Курсы лечебного массажа* в поликлинике, периодически 1-2 раза в год.

6. *Грязелечение и специальные ванны* – 1 раз в 2-3 года в санатории (поликлинике).

В зависимости от возможностей и фантазии можно использовать много других форм и способов, вводить новые элементы. Во всяком случае, если вы будете выстраивать свою систему профилактики и лечения радикулита, смею надеяться, вам могут пригодиться какие-то элементы или принципы предложенной вашему вниманию системы.

Во все времена, у всех народов были, есть и будут разные люди среди определённых слоёв и групп общества. К чему это философическое отступление? А вот к чему. Вспоминается, когда мы ещё учились на морском факультете академии, на кафедре гигиены был преподаватель – этакий «весельчак с большим юмором» (как он сам о себе думал). Очень «весело» он вёл занятия, щедро преподносил анекдоты, шутки и прибаутки. В том числе: даст нам задание (озадачит) и исчезнет на часа полтора – два. К концу занятия появится и опять с шуткой: «Как вы ещё здесь? Ну что лабораторную работу все сделали? Хорошо! Молодцы! Не все? Не всё ясно? Ну да ладно! Дома почитаете и разберётесь». Вот такое отношение к делу, к военно-морской радиационной гигиене. К счастью это было исключение из правил. Учили нас хорошо и строго принимали зачёты и экзамены.

И вот я серьёзно столкнулся с вопросами радиационной безопасности уже в адъюнктуре. Пришлось глубоко вникать и определять формы, степень тяжести, профилактики и схемы лечения лучевой болезни на авианесущих кораблях. Эти вопросы во многом прояснились, благодаря знакомству и работе с прекрасной души человеком, клиницистом, учёным и специа-

листом по лучевой болезни на флоте – Михаилом Ивановичем Емельяненко. Кстати тоже один из наших учителей, но уже из хороших и серьёзных, на морском факультете. Он направил мои изыскания по данному разделу военно-морской медицины таким образом, что были учтены и использованы последние достижения науки, состояние флота, конструктивные особенности и размещение личного состава на авианесущих кораблях, находящиеся на снабжении и перспективные медицинские средства для профилактики и лечения пораженных ионизирующими излучениями и проникающей радиацией.

Ну, что-то подозрительно очень хорошо идёт! Так всё время быть не может, особенно в моём положении.

Какой-то период жизнь идёт по восточным законам: собаки лают, а караван идёт. А может быть: караван идёт, а собаки лают? Чтобы не зазнавался и не расслаблялся, очередной раз обруган Рябоконом перед народом (на кафедральном заседании). Просто уже стыдно перед людьми. Вроде бы уже надо привыкнуть, но наверное я к этому не смогу привыкнуть. За что обруган? За впервые проведенный мною цикл занятий с курсантами морского факультета. При чём, как готовить и вести занятия, на кафедре никто не рассказывал. Только было посещение им лично занятий и обсуждение их на кафедральных заседаниях. Критика высказана без всякой доброжелательности и конкретики. Всё плохо. Ясно, что это продолжение проводимой политики, очередная попытка сбить не только дыхание, но и с ног.

Забавная ситуация вышла в связи с этим случаем. До этого кафедрального заседания Ю. Ушаков говорил мне, что я хорошо провёл эти занятия. Но после разноса учинённого Рябоконом, он срочно изменил своё мнение и на партсобрании уже говорил о том, что я плохо подготовился к занятию. «Гибкий» товарищ. Это ему зачтётся в актив и он, довольно скоро, станет секретарём нашей парторганизации.

Другая поговорка гласит, что «нет – худа без добра». Действительно, при таких диких нагрузках и постоянном психологическом прессинге со стороны Рябокона, для меня были отдушиной и спасением моя семья, приобщение к культурным возможностям Ленинграда, физическая культура и спорт. Обязанности спорторга кафедры заставляли самому быть впереди «на белом коне» по программе спартакиады офицерского состава академии: плавание, кроссы легкоатлетические и лыжные, настольный теннис, лёгкая атлетика, стрельба, гимнастика, туризм. Мало того, в интересах команды кафедры, даже жену и маленького сына Андрейку привлекал, как участников соревнований, по лыжному кроссу и туризму. Чего не сделаешь ради любимой кафедры и особенно Рябокона.

Приятно сейчас, спустя 25-30 лет, посмотреть на нашу семейную (кафедральную) команду на фотографиях тех времён. Кстати, в те годы фотографии делались собственноручно от начала до конца: настройка вручную диафрагмы и выдержки при фотографировании, проявление и закрепление плёнки дома в фотобачке, работа с кадром и печатание фотографий на фотоувеличителе в затемнённом помещении, проявление и закрепление в отдельных ванночках, прокатывание валиком, глянцеование, сушка и, наконец, художественное обрезание специальным резак. Фу! Это только одно перечисление, а сам процесс занимал несколько часов работы. Зато приносил колоссальное удовлетворение, если всё получалось хорошо. Позже эти умения и навыки фотосъёмки и фотопечатания удалось передать сыну и дочке.

Сегодня любительское фотодело сводится только к фотографированию с помощью автоматических фотоаппаратов или т.н. мыльниц, а сейчас цифровой фотоаппаратурой и сдаче в фотоателье на проявление плёнки и печатание фотографий из выбранных номеров негативов или хранение их на компьютере. Удобно, бесспорно, но творческая, душевная сторона утеряна. К сожалению, предаётся забвению и такой вид фотографии, как слайды. Как здорово смотрелись цветные слайды, снятые в лесу, на море, в путешествии и отброшенные на экран дома или в учебной аудитории. Особенно если удалась работа над композицией кадра с фотоаппаратом и фотоувеличителем. Правда, современная цифровая фотография это качественно новая техно-

логия, позволяющая хранить фотографии в электронном виде и воспроизводить их на экране монитора или с помощью видеопроектора, а при желании и напечатать в традиционном виде на фотобумаге. Это гораздо выгоднее по объёму, компактности, скорости передачи и воспроизведения. Здесь возвращается творческий элемент, но уже совсем в другом качестве. Новые и традиционные технологии, новое и старое, новое и традиционное. Как всегда есть свои преимущества и слабые стороны.

Одна из традиций тех времён, по крайней мере, в нашей семье, покупка подарков к общественным и семейным праздникам, дням рождения и цветов дамам-мамам. Хорошая традиция, которой я следовал даже в период разгула гайдаровско-ельцинской шоковой «терапии», когда они выпустили, образно говоря, кровь из организма нашего государства и у нас стало катастрофически не хватать денег на самое жизненно необходимое. Но это позже.

А пока стала складываться и другая традиция – отправлять или уезжать с детьми на летние месяцы на природу или в южные края. В это лето отправили Андрейку с академическим садиком на академическую дачу в посёлок Комарово. Хорошее место, рядом море. На море их водят купаться и играть на берегу. По воскресеньям мы с женой старались побыть с ним. Ну и конечно в хорошую погоду шли на море, где играли в футбол, волейбол, шахматы, уголки, разглядывали в бинокль форты в заливе Балтийского моря, Сестрорецк, Кронштадт, Зеленогорск и Репино. Как правило, в качестве отдыха я бежал кросс по кромке воды Финского залива. Вроде безобидное занятие. Но оказывается, не совсем безопасное, а иногда даже курьёзное.

В одно из воскресений побежал я в сторону Зеленогорска. Замечаю, что не далеко от нашего пляжа загорает молодая дама с собачкой размером с телёнка, который смиренно лежал и охранял хозяйку. Через некоторое время, заканчивая бег, возвращаясь назад и вдруг вижу как наискосок, бросив свою хозяйку, приближается ко мне тот телёнок, а точнее молодой дог, ну естественно, вегетарианец с большими, но «молочными зубами». Трудно угадать его намерения в очень ограниченный промежуток времени. Поэтому я, не желая экспериментировать чем закончится контакт моих ног с его молочными зубами, не останавливаясь, решил продолжить бег в воде, интуитивно предполагая, что это его остановит. Но нет – он за мной. Мой бег переходит уже в плавание брасом. А он, плывя стилем «по собачьи», не отстаёт от меня. Для народа на берегу зрелище: собрались толпой и чего-то кричат, подают советы то ли мне то ли ему, не знаю. Однако он подплыл на расстояние броска, и мне ничего не оставалось – как нанести ему хук правой или удар в его скулу правой рукой. К счастью это возымело действие. Пёс удивился, возмутился, но развернулся и поплыл к хозяйке в сторону берега. Так счастливо закончилась одна из моих многочисленных, к сожалению не последняя, встреч как любителя бега с друзьями человека, младшими, а может и старшими, братьями.

Дочку Иришу с бабушкой Олей я отвёз в Одессу к тётке Жене. Когда всех детей «растолкали», мы с женой, как бы осиротели, и настроение упало до слёз. Но обнаружилось, что у нас появилось больше времени на себя: сходить на матч любимого киевского «Динамо» с «Зенитом», в белую ночь покататься на лодочке на прудах Елагиных островов, посмотреть разведение мостов над Невой. Это оригинальное и запоминающееся на всю жизнь действо.

Белые ночи в Питере это индивидуально, по-своему воспринимаемое каждым человеком, зрелище: от восторженного и возвышенного по А.С. Пушкину до мрачного и серого по Ф.М. Достоевскому. Не один раз приходилось наблюдать белые ночи и в Карелии, и на крайнем Севере, в районе Мурманска, Североморска, Полярного, и в Стокгольме и в других местах. Там своя прелесть и красота. Красота окружающей природы, сочетание игры красок на небе и на карельских озёрах, когда как поётся «не понять, то ли небо в озера упало, и не понять то ли озеро в небе плывёт ...». На крайнем Севере – это не заходящее солнце в сочетании с суровыми гранитными лбами сопков и видами сонных городов и посёлков. Но белые ночи Ленинграда стоят особняком. Как скажем, Венецию нельзя сравнивать ни с каким другим городом в мире. Упоительные вечера и закаты, питерское небо когда, опять по Александру Сергеевичу, «одна

заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», отражаемое в водах Невы и Финского залива. Питерские панорамы, пространства, те шедевры, что создавались веками лучшими архитектурными умами и руками Италии, Франции, России. Сочетание с водами и набережными Невы и каналов, мостами, городской архитектурой, памятниками в период белых ночей смотрятся загадочно, чарующе, совсем по другому чем в дневное время. И уж конечно таких сочетаний, композиций, ансамблей не увидишь больше нигде в мире, в том числе в наших земных широтах в Стокгольме и Хельсинки. Когда в такую ночь возвращаешься из филармонии, то впечатление такое будто продолжается концерт, но уже звучит музыка городских ансамблей исторического центра Санкт-Петербурга.

После комаровской дачи, жена с сыном также подались на юг на Украину к бабушке Оле с Иринкой. Редкий период времени, когда мне самому приходилось в течение суток 10 вести домашнее хозяйство и даже готовить себе пищу. Пользуясь оставленными мне кулинарными рецептами удалось выжить и даже присоединиться к ним на период отпуска.

Не безинтересно, на мой взгляд, что в те годы, кроме регулярно выдаваемой заработной платы (ежемесячно железно в 13-15 числах), здорово выручала академическая касса взаимопомощи, к которой приходилось прибегать в случаях каких-то серьёзных имущественных приобретений. Дух и принципы коллективизма, свойственные нашему народу, и здесь выручал. Правда, чтобы сделать одно из таких приобретений, например ковёр настенный, приходилось в течение нескольких месяцев периодически отмечаться в очереди при магазине. Такую необходимость мы воспринимали как должное, понимая, что не всё наша страна может производить, да ещё в необходимых количествах. Зато, как говорится, у нас были не только ракеты, но нам было доступно, без современного «московского чёса» по запредельным ценам, послушать Марию Пахоменко, ансамбль «Смеричка», оперу «Ярославну» в театре Мусоргского, побывать на творческой встрече с Андрюшкой Мироновым и Л. Голубкиной, посмотреть театр Якобсона и многое-многое другое.

Наконец, в этом юбилейном году, ко дню Победы в Великой Отечественной войне, я получил очередное воинское звание – майора медицинской службы. Для военного человека важно, когда всё идёт законно и своевременно. Срок у меня вышел в сентябре прошлого года, но стержень «врач-провизор» сказался и здесь. Это было во власти Рябоконя, и он ею воспользовался сполна, задержав это событие аж на целых 9 месяцев. После моих повторных вопросов по данному поводу в отделе кадров и в политотделе академии дело со скрипом было извлечено из-под сукна и ему дан естественный ход. В те времена ещё работала система контроля над деятельностью подразделений академии, в том числе и начальников кафедр.

Что же касается трудовой деятельности самих кафедр, то работали мы тогда более чем напряжённо. Кроме функциональных обязанностей, по партийной линии что ли, каждый из нас брал повышенные социалистические обязательства. Причём следили, чтобы это не были отписки и обозначения. По этим обязательствам преподавателями писались дополнительные статьи и тексты лекций, составлялись методические разработки, создавались учебно-методические материалы для обучаемых и наглядные пособия, оборудовались тематические классы, делались другие серьёзные для кафедры дела и вещи. Под этим же девизом каждую весну и осень проводились субботники, благодаря которым совершенствовалась учебная материально-техническая база кафедры, делалась элементарная приборка, наводился порядок и чистота руками профессорско-преподавательского состава и других сотрудников кафедры. По многим воскресеньям, как я уже говорил, всей семьёй на лыжный кросс, на соревнования по туризму или по плаванию в бассейне СКА. Реализовывался девиз: интересы коллектива, кафедры – прежде всего.

Кстати, в бассейн СКА я начал ходить с 1966 года и хожу, по сей день. То есть хожу, страшно сказать, более 40 лет! Но это я далеко забежал вперёд – более чем на тридцать лет.

А пока реализуется другой девиз: жизнь-это борьба, а борьба – это жизнь. Рябоконь использовал очередной приём. Неожиданно, уходя в отпуск, он «милостиво» разрешил взять из его кабинета телевизор, чтобы преподавательский состав имел возможность смотреть репортажи из олимпийских игр. Накануне он глубоко возмущался, когда я как спорторг, просил его об этом. Спустя какое-то время мне рассказали, что кафедральные болельщики из провизоров сумели заинтересовать его и сыграли на том, что таким способом стоит попытаться дополнительно отвлечь от диссертационных дел и отнять время, в уже намечавшемся цейтноте, у адъюнкта А. Яковенко. К счастью, я не поддался такому большому соблазну, перешёл на лето в другой класс без телевизора, и, по прежнему, ежедневно, в жёстком режиме с 9.00 до 23.00, «пахал со страшной силой» всё лето. Благодаря чему, намеченные рубежи в диссертационном исследовании были достигнуты.

Да и то правда – пошёл третий, последний год адъюнктуры. Ведь жизнь в учебных заведениях, все образовательные циклы, в т. ч. адъюнктура, шла с сентября по сентябрь. В начале 1977 года, несмотря на описанные и не описанные козни «руководителя», уже печатались первые главы диссертации. Здесь надо сказать отдельное и большое спасибо Валентине Григорьевне, машинистке из кафедры ОТМС флота, с которой у нас был негласный договор о напечатывании моих тяжких трудов от начала и до конца. Дама не без претензий и своеобразности, как впрочем каждый из нас по – своему. Но главное – высокопрофессиональный, надёжный, творческий и добросовестнейший специалист своего дела.

Подшло время подумать и обсудить с моими научными руководителями, Г.П. Донченко и кадровиками о том, а что же далее, по окончании адъюнктуры. Хотя я был готов на любой вариант, но надо было думать о семье. Разговоры велись общие, не конкретные, «без векселей». Но всё же кое-что вселяющее в меня уверенность прояснялось. И это «кое-что» добавляло сил, чтобы собраться, выполнить долг адъюнкта и, за оставшиеся 7-8 месяцев, положить на стол зарегистрированную диссертацию. А до этого ещё трудов и трудов. Сейчас об этом легко писать, что-то добавляя, что-то опуская, а тогда сумрак, неопределённость, масса препятствий, тупичков и тупиков, которые надо было преодолеть во чтобы-то ни стало в сжатое время.

Кроме проведения научного исследования и изложения его в виде диссертации «кандидата в кандидаты», адъюнкт должен провести, своего рода апробацию основных положений и разделов исследования, по возможности, в публикациях, статьях, изобретениях, открытиях и рационализаторских предложениях. И опять, уже можно сказать закономерно в моей ситуации, сталкиваюсь с уже описанным ранее режимом наибольшего неблагоприятствования. Печататься приходится с сотрудниками других кафедр и даже других вузов и учреждений.

Так как я много проводил полевых занятий, Рябоконь ставит задачу разработать методическую разработку для проведения одного из тактико-специального учения. Разработать срочно, в сжатые сроки и подать на конкурс. Ого! Меня допустить до конкурса? Правильно, такого быть не может. Разработку я сделал и сдал ему как начальнику кафедры. Рябоконь, не объясняя и не обосновывая, сохранив существо, передал её «доработать» другому своему преподавателю. И на этом всё. Рационализаторское предложение по комплекту медицинского имущества «КАНП» – корабельный авиационный неотложная помощь» для врача авианесущего корабля при авариях корабельных летательных аппаратов, пришлось «делать» с моим учителем по кафедре анестезиологии и реанимации Василием Ивановичем Сипченко и проводить через эту кафедру.

Я уже говорил, что в большей части случаев, с удовольствием участвовал в первомайских и ноябрьских демонстрациях трудящихся. Но в этом году из-за дефицита времени пришлось согрешить. Пришёл в назначенное время, рано утром, на место первомайской сходки – сбора колонны от ВМедА им. С.М. Кирова, у Гренадёрского моста. Отметился у старшего академической колонны и «по английски» ушёл в учебно-лабораторный корпус (УЛК) – работать на

кафедре. На день Победы работа была взята на дом – время жмёт. Это всё подтверждение того, что в период адъюнктуры понятия периодов, дней и часов труда и отдыха относительны.

Однако, дело дошло до подготовки к предзащите. Всё было готово, и я просил назначить предзащиту на 20 мая. И вдруг, а может и не вдруг, а благодаря совместной научно-исследовательской работе с М.И. Кондратьевым из Института ВМФ, представляется возможность побывать в научной командировке на головном отечественном авианесущем корабле – тяжёлом авианесущем крейсере «Киев» – ТАКР «Киев». Рябоконь завозвращал. В качестве довода выдвигал требование завершить в заданный срок написание диссертации. Совет с Олегом Борисовичем Порембским и с начальником научного отдела академии И. М. Чурсиным, мои доводы о целесообразности проверки наших наработок, использовать опыт медицинского обеспечения личного состава ТАКР «Киев» перевесили и командировка состоялась во второй половине мая месяца. Корабль самый большой тогда в составе ВМФ СССР конечно впечатлял. За 2 недели пребывания на нём удалось в чём-то утвердиться, что-то изменить, подкорректировать, много взять нового, конкретного, особенно связанного с медицинским обеспечением полётов корабельной авиации в период длительных океанских плаваний.

Начинается лето, но для меня разгар и завал работы. На 15 июля заместитель начальника академии по учебной и научной работе В.А. Долинин назначил мне срок доклада и представления диссертации.

Жать и дожимать изо всех оставшихся сил. Доводить до конца, что-то переделывать и дополнять, после командировки на ТАКР, дописывать, печатать, сделать фотографии, графики в текст и иллюстративный материал на защиту, составить автореферат диссертации, разослать его по организациям и учреждениям, организовать и провести предзащиту и т. д. и т. п. Трудно восстановить все унияны этого напряжённейшего периода. Но некоторые любопытные и даже забавные эпизоды помнятся.

Зная, насколько напряжённый летний период сложился у меня, Рябоконь, уходя в отпуск, проявил очередной раз «трогательную отеческую заботу» и поручил мне организовать покрытие лаком полов целого этажа кафедры. Такая «забота» уже не удивляет, и даже стала привычной.

Работа над диссертацией – это настоящее многоборье, когда кроме основного, связанного с задачами, содержанием, выводами и предложениями по теме исследования, сталкиваешься со множеством мелких, незначительных, и на первый взгляд, простых, само собой разумеющихся вопросов. Причём со многими впервые и одноразово.

Ну, например, вроде бы и простая операция – выстроить использованную литературу в список и расставить ссылки на неё в тексте диссертации. Кроме полученных некоторых общих знаний по библиографии, на занятиях у Софьи Гершевы в фундаментальной библиотеке академии, никто никогда этому не учил и сейчас, когда надо делать эту работу, не подскажет. С чего начинать? Как правильно и быстро это проделать? Выясняется, что сама по себе это чрезвычайно сложная, интересная, поисковая и даже творческая работа. На ходу сам перебираешь разные способы, придумываешь, развиваешь и совершенствуешь технологию работы. И вот в ходе работы выясняется, что в список надо включить труды В.И. Ленина. В принципе, при всём уважении к нему, тема моей диссертации совершенно спокойно позволяла обойтись без ссылок на его труды. Но требования времени заставили найти, увязать по тексту исследования и включить несколько гениальных трудов Ильича в список литературы.

Ещё раз в своей жизни убедился в относительности понятий таких вечных категорий как добро, справедливость, объективность и им подобных во все времена, у всех народов и во всех слоях общества (как сейчас говорят «населения»). Как порой решается извечный вопрос «Быть или не быть?». Уже вроде всё оговорено и подготовлено к предзащите диссертации (по существу межкафедрального совещания с обсуждением моей диссертации). Тревожная мысль:

– Неужели на сей раз не будет никаких козней? А если будут, то какие? Чего ждать? И как им противостоять?

И вдруг один из кафедральных рецензентов и оппонентов Стахевич А.Ф. в день предзащиты, или не заметил меня в кабинете начальника кафедры или намерено в моём присутствии, спрашивает Рябоконя:

–Так как быть с диссертантом? Вдоль или поперёк класть его на козлы?

На кафедральном сленге его интересовали последнее решение и указания как быть, положительный или отрицательный давать отзыв, пропускать или завалить. Ответ был «по-Эзопу», но смысл сводился к тому, что в связи с влиянием командования академии придётся пропускать. Услышанное мною было моральной поддержкой и придало уверенности перед этим испытанием.

И вот предзащита начинается. Кафедральный рецензент делает доклад, подготовленный для него, как водится, соискателем, т.е., в данном случае, мною. Изложил суть работы в целом, об отдельных её разделах, достоинствах и недостатках. Но главное для меня делает вывод: – Работа заслуживает представления к защите в специализированный совет академии.

После такого «прессинга по всему полю» и крайне недоброжелательного отношение по тот день и вдруг такой вывод. Кроме огромного удовлетворения примешивается ощущение сомнения в реальности такого оборота событий. Однако все последующие выступления подтверждают сделанный вывод. Мне кажется не безынтересны выступления некоторых специалистов в своей области медицинской науки и знаний.

В.И. Юнкеров: – Автор использовал более надёжную методику вероятностного подхода при определении уровня и структуры заболеваемости, величины и структуры прогнозируемых санитарных потерь личного состава авианесущих кораблей.

М.И. Емельяненко: – Это вторая работа морского профиля в академии, после диссертации Б.Е. Егорова, в которой на основании глубокой разработки вопросов патологии идут к вопросам организации медицинского обеспечения личного состава перспективного типа кораблей ВМФ. Вопросы оказания медицинской помощи на авианесущих кораблях радиационным поражённым автором изучены не хуже чем терапевтом.

После этих и других выступлений, даже Рябоконь был вынужден выдать из себя положительное мнение, выводы и высказал пожелание увеличить на защиту количество иллюстративного материала по некоторым разделам диссертационной работы.

Столько людей, упомянутых ранее, и, да простят меня, не упомянутых, в ходе работы в том или ином качестве и степени участвовали, помогали, консультировали, присутствовали и выступали на предзащите, что «HAPPY END» был обеспечен. Всё предложенное прошло по существу с рекомендацией кое-что подправить и просить учёный совет назначить срок защиты.

Но не может же быть всё так хорошо! Действительно, не обошлось без подлости. Обнаруживаю, что из моего личного сейфа кто-то из сотрудников похитил один из учтённых листов диссертации. Благо информация на нём была не секретной. Я отреагировал мгновенно. В этот же вечер отпечатал этот лист и восстановил. Подброса листа и игры на этом, к счастью, не последовало. После этого случая я стал ежедневно опечатывать ячейку сейфа и повысил требования к своей работе с закрытыми документами.

Кстати, об этой жуткой сверхсекретности. Когда решался вопрос о степени закрытости материала диссертации, тоже не обошлось без казуса. Начальник первого отдела настаивал на том, чтобы не называть ТАКР «Киев» и не давать его фотографии в диссертации. Несколько встреч с ним по этому поводу не давали результата. Тогда я продемонстрировал ему фотографии и статьи из нашей и иностранной периодической печати о походе ТАКР «Киев» вокруг Европы из Севастополя в Североморск. На этом разговоры прекратились.

Чтобы вложиться в сроки сдачи диссертации были мобилизованы все возможные ресурсы. Печатать материал, пришлось не только у Валентины Георгиевны, но ещё у трёх

машинисток академии. Мало того, ряд открытых графиков и таблиц пришлось рисовать моей умнице жене – Ларисе Анатольевне.

Наконец напечатано, состыковано и переплетено в виде трёх экземпляров диссертации. Также сделаны и переплетены 15 экземпляров авторефератов диссертации. Всё это сдано в спецбиблиотеку и поставлено на инвентарные номера.

УРА! УРА! УРА!

Я сделал всё что мог, что зависит от меня. Как после всякой длительной, большой работы, тем более, которой буквально жил несколько лет и которая до чёртиков измотала, утомила и даже где-то надоела, наступает сложное чувство огромного удовлетворения, а с другой стороны опустошения. Смотришь на этот, в синем «морском» переплёте толстый труд, листаешь разделы, выводы, предложения, приложения, рисунки, графики, фотографии и думаешь: – Господи, неужели это удалось мне сделать?

К концу третьего года адъюнктуры, чтобы «поддержать, поднять настроение и помочь» как руководитель, Рябоконь не раз говорил, что отправит меня на кафедру Военного факультета при Томском медицинском институте. За годы адъюнктуры, годы не нужной, не оправданной и не равной борьбы я так устал, что меня это не пугало, и я был готов ко всему. «На усмотрение командования, как лучше для дела» – думал я. Командование тоже думало. И думало оно, что на этой кафедре должны быть врачи. В результате чего по окончании адъюнктуры я был назначен научным сотрудником ВМедА при кафедре МОТ. Естественно Щукхве – назначен сразу на должность преподавателя.

Таким образом, закончился один из самых сложных, тяжёлых и всё же интересный и в чём-то прекрасный и неповторимый период в моей жизни – период адъюнктуры, даже несмотря на то, что протекал он, в основном по принципу *«Свой среди чужих, но не чужой среди своих»*.

II. В СТРЕМЛЕНИИ СЕЯТЬ МУДРОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ, НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО.

1.

СТАНОВЛЕНИЕ.

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА.

2.1.1. Ташкентское (Узбекское) море. Подготовка к защите.

Назначение после окончания адъюнктуры младшим научным сотрудником (мнс), с одной стороны, конечно, даже оскорбило и унизило меня, но с другой стороны позволило более спокойно подготовиться к защите. В ходе этой подготовки соискателю, и в шутку и всерьёз, надо ещё написать одну диссертацию. Большая работа проводится с профильными учреждениями, с оппонентами, с рассылкой авторефератов, с организацией сбора отзывов на диссертацию, с подготовкой текста своего выступления, изготовления иллюстративного материала и технических средств его показа на предстоящей защите, с формированием списка членов совета на защиту, с приглашением стенографистки и т.д. и т.п. С оппонентами возникли привычные сложности. Так как диссертация более чем на 80% врачебная, организаторская, а защиту предстояло проводить от провизорской кафедры, то оппонентов было назначено двое. Основным оппонентом был назначен главный хирург ВМФ генерал-майор медицинской службы М.Н. Портной. Вторым – начальник отдела ГВМУ полковник медицинской службы Н.И. Ляшенко. Это всё ещё впереди в этом году.

Но ведь я ещё не был в отпуске за этот год!

Наконец, дожив до этого момента и положив диссертацию на стол, можно себе позволить сделать и это – уйти в отпуск. Благодаря тому, что в нашей семье есть очень надёжный и прекрасный человек, моя мама Ольга Савельевна, мы с женой могли, имея двоих маленьких детей, поехать в это время в санаторий. Хотелось уехать куда-нибудь подальше и в тёплые края. За

границу, в Африку или Турцию тогда не пускали. Удалось достать путёвку в военный санаторий «Тамга» на озере Иссык-Куль в Киргизии. План и программа поездки были продуманы и подобраны комплексно как туристическое турне по Средней Азии.

В последних числах сентября, когда в Ленинграде уже было холодно и пошли дожди, наш самолёт приземлился в Самарканде. Яркое солнце, чистое небо, температура воздуха около + 20 градусов. Благодать. Конечно, это был бальзам на душу и на тело.

Я в этих краях уже бывал, если не считать, что я родился в годы войны в Ташкенте и рос там первые четыре года жизни. Затем в июле 1968 года в составе группы «диких» туристов из Питера мы приехали в Ташкент, обошли, что успели за 2 дня. Температура в тени тогда была + 46 градусов и это было на грани жизни. Спаслись удалось благодаря тому, что мы нашли Комсомольское озеро, где успешно реанимировались. Затем объехали Самарканд, Бухару и поездом прибыли в Алма-Ату. Там акклиматизировались, сделали несколько радикальных выходов в горы от турбазы «Горельник» (у катка «Медео»). Затем через 7 перевалов горных массивов Тянь Шаня вышли на северный берег Иссык-Куля. Он по ландшафту, растительности, названию деревень, населению (много выходцев из Украины), строениям и укладу жизни очень сильно напоминает украинские края. Недельку позагорали, обошли и объехали по восточному и южному берегу Иссык-Куль, в т.ч. и санаторий «Тамга». Из Фрунзе – самолётом в Ленинград. Впечатления тогда были первые, свежие поэтому более острые и великолепные.

На этот раз хотелось показать Среднюю Азию жене.

Мне представляется, что впечатления от этих краёв, особенно, когда попадаешь туда в первый раз в жизни, для жителя Европейской части СССР и тем более Питера более остры и контрастны, чем скажем поездка по Прибалтике и даже в Скандинавию и в западную Европу. Потому что там ты оказываешься в Азии, в другом мире, где другие, более резко отличающиеся от привычных, культура, архитектура, искусство, образ жизни. Обход и знакомство с историческими местами Самарканда с фотографированием Регистана, Шах и Зинда, обсерватории Улугбека, улиц и площадей, восточного базара и просто жителей города. Кстати очень красивый народ узбеки. И всё это с восхода до заката залито солнцем, тепло и сухо. Оттуда проездом через Ташкент во Фрунзе (сейчас Бишкек). Небольшая экскурсия по городу, не столь богатому достопримечательностями, как узбекские края. Оттуда на автобусе на так называемое в местном народе Ташкентское море – озеро Иссык-Куль. Почему море Ташкентское? Прежде всего, потому, что оттуда в эти края едет больше всего отдыхающих.

Южный берег озера, военный санаторий «Тамга». Разве мог я 10 лет назад предполагать, что ещё раз приеду сюда да в такой компании? Октябрь месяц, солнечно, тепло, но не жарко как летом. То есть бархатный сезон. Вода такая чистая и тёплая, что все три недели мы купались в озере по несколько раз в день. Номер со всеми удобствами, санаторное питание, лечебные процедуры. Среднегорье, вокруг сглаженные горы, с удобными тропами и садами полными яблок и облепихи. Активно пользовались таласотерапией – хождением по горным тропам. Несмотря на грязелечение и другие процедуры я не бросал вредную привычку к бегу. На себе ещё раз ощутил, что бег на такой высоте в горах тяжёлое занятие и поэтому пробегал за один раз не более 3-5 километров. Съездили на Джеты-Огуз (Красные горы), в город Пржевальск. Там ещё раз на памятнике Пржевальскому, прочитали его знаменитое высказывание, как и на памятнике ему в Александровском саду в Ленинграде, о том, что жизнь ещё прекрасна потому, что можно путешествовать. Он прав и ему надо следовать. Хотя на этом перечень достопримечательностей заканчивается, главное как раз в том, что там ты ближе к первозданной природе и её благам. Из-за топливного кризиса пароходы на северный берег не ходили, и нам там, к сожалению, не удалось побывать. Ничего в следующий раз побываем. После перегрузок, связанных с доводкой диссертации и с длительной стрессовой ситуацией на кафедре, отдыхалось особенно сладко и с удовольствием. Но всё в этом мире имеет своё начало и свой конец. Уже

соскучились по своей семье. На поезде «Фрунзе – Ленинград» возвращаемся домой. Последние сутки почти впроголодь из-за того, что ошиблись в своих расчётах.

И вот опять: здравствуй, Питер! Здравствуйте, дорогие наши детки и золотая наша бабушка Оля! В ближайшие дни после приезда отправили её на концерт в дом офицеров. Сами же окунулись в трудовые будни.

Хотя назначен я был на должность научного работника (мнс), в преподавательскую работу был включён на полную катушку. Занятия вёл не только с факультетом подготовки врачей, но и со слушателями факультета руководящего медицинского состава. Причём поначалу больше с провизорскими учебными группами. Лично смонтировал два новых учебных стенда по корабельным комплектам. На многих, мною проводимых занятиях, присутствовали другие преподаватели, по заданию Рябоконя. Они выступали на кафедральных заседаниях и высказывались по этим занятиям, и по учебно-методическим материалам, мною разрабатываемым. В основном рисковали высказываться положительно, хотя и делали критические замечания. Вот, например, начальник учебной части В.И. Гегель докладывал как рецензент одной из моих методических разработок:

- разработка составлена на современном уровне;
- тесная связь технических вопросов с врачебными;
- отражена профильность корабельного врача.

Рябоконь же гнул свою линию и говорил, что занятия Яковенко проводит плохо и трудно сказать сможет ли он быть преподавателем. В другой раз на кафедральном заседании говорит о том, что может мне, пока не поздно, перейти на кафедру ОТМС флота. Или, если я подробно обосновывал и настойчиво отстаивал своё мнение с врачебной точки зрения, он меня прерывал и говорил: – не читайте нам лекций. Если же я где-то делал ошибку, это немедленно и неоднократно им использовалось, с издевательскими добавлениями, типа «этот учённый», «этот деятель» и т.п. Все годы пребывания на кафедре я не позволял себе с кем-то напрямую обсуждать несправедливости по отношению ко мне товарища Рябоконя. Памятуя о том, что тайна является таковой, пока ею владеет один человек. Когда об этом всё же что-то говорилось, то собеседники приводили примеры из многих других кафедр, где также в своё время, преследовались ряд наших общих знакомых, которые, не смотря на это, выдержали и достигли достаточно высокого профессионального и служебного уровня. Когда он меня уж очень доставал, я говорил себе:

– Хватит ругаться, а то можно стать таким же, как он сам. Главное не сорваться и выдержать. Вот такой аутотренинг.

Жизнь в одной комнате общежития семьёй в 5 человек, с двумя детьми, с кухней на 18 семей, без горячей воды, с общим туалетом и одной общей «стиральной комнатой» за эти годы тоже изрядно утомила. И начал я очередной виток хождений по мукам: рапорт Рябоконю, посещение политотдела и заместителя начальника академии по материально-техническому обеспечению. Наверное, здесь уместно выразить восхищение нашими советскими женщинами, в данном случае моей женой и матерью. Выдержать «прелести» жизни в одной из худших «ям» для офицеров Ленинградского гарнизона столько лет не каждый сможет. Но в те годы у нас была твёрдая перспектива, что придёт срок, раньше или позже, и мы получим достойное жильё. А пока до этого счастья ещё ой как далеко! Мы жили, стараясь быть выше неудобств, не застревая на них, радуясь хорошему в нашей жизни. К новому году жене, мастерице на все руки, подарил вязальную машину. В те времена такие подарки я мог делать без особого напряжения, по сравнению с периодом «перестроек» и «разгула «демократии», когда офицеры были «опущены вниз» на несколько порядков.

Сыночку уже седьмой год. Готовим в школу. Освоили с ним лыжи в Таврическом саду, а после этого попарились слегка в баньке на улице Чайковского. В воскресенье подались в

Кавголово. Там даже Ольга Савельевна – моя мать, человек никогда в жизни ранее не стоявший на лыжах, и то попробовала это удовольствие, под двойной помощью мужчин: Андрея и меня.

В день Советской Армии и Военно-морского флота – праздник, который мы отмечаем семьёй ежегодно и по сей день – я рассказал Андрею о Вооружённых силах Советского союза и об этом празднике. Беседу на эту тему пришлось провести, по просьбе руководительницы группы, и в детском саду, куда ходил Андрей.

На день рождения мамы Лары подарили ей платье, которое она давно хотела, как всегда красивые цветы, накрыли праздничный стол. Программа праздника, всегда и по сей день, продумывалась заранее, чтобы каждый его участник привнёс что-то своё. Кроме «нектара и амброзии», исполнялись песни, стихи и танцы, готовились рисунки и кроссворды, демонстрировались кинофильмы, слайды, проводились игры и т. д. Не всегда получалось всё удачно, но чаще было интересно. В этом году доченьке к 8 марта как махонькой женщине первый раз был подарен цветочек. Женский праздник отмечали в Комарово на академическом лыжном кроссе с участием всей семьи.

За «вечной» весной, как поётся в песне, всё равно придёт красное лето. Начали подготовку к тому, чтобы Андрея отправить на летнюю дачу на Карельском перешейке в то же Комарово.

Несмотря на цейтнот времени, по прежнему, по воскресеньям дружно выезжаем, в этот год, на Елагины острова или устраиваем катанье на детских велосипедах. Детишки катаются с упоением. Иногда вечером сбегает в кинище или ходим в цирк на Фонтанке. К сожалению, плохие бытовые условия сказываются на здоровье. Сыну лечили зубки, на осень договорились ложиться на удаление аденоидов в Педиатрический институт. Лариса попала с ангиной в больницу. Стараемся как-то укреплять здоровье. Зимой брали на прокат Андрею коньки и катались на катках Елагиных островов. Сын ходил несколько месяцев с бабушкой на гимнастику в СКА, а с осени пошёл в спортшколу при бассейне СКА. На многих соревнованиях спартакиады академии Лара и Андрей продолжают выступать со мной за кафедру. Отчитываясь как спорторг на партийном бюро кафедры по спортивно-массовой работе, я об этом говорил с гордостью. Пока я был спорторгом, мы занимали первое место в нашей группе офицеров постоянного состава кафедральных коллективов академии. Без ложной скромности можно сказать, что это было результатом не только строгой требовательности Рябоконя и моей организаторской работы, но и благодаря тому, что я, как правило, занимал во всех соревнованиях первое или в крайнем случае второе или третье место. Для популяризации здорового образа жизни, я создал и вёл на кафедре спортивный стенд, на котором была постоянная и оперативная информация о ходе спартакиады академии, о результатах прошедшего соревнования: место занятое кафедрой, результаты каждого участника, выделение лучших, о предстоящих соревнованиях – и постоянно о кафедральных шахматных турнирах в течение года.

Культурные возможности Ленинграда, образно говоря, это горы Тяньшанские по сравнению с большинством пространства нашей необъятной страны. По прежнему, стараемся освоить хотя бы отдельные вершинки этого массива. Посмотрели выставку золотого фонда Эрмитажа. Всемирно известная экспозиция, но на любителя, особенно вызывает восторги прекрасной половины человечества. Меня в таких работах восхищает поистине ювелирное мастерство и колоссальный объём труда. С Андреем прослушали оперу «Копелия». Будучи дежурным по учебному корпусу, ознакомил Андрея с пистолетом Макарова. Интересно, что пострелять из этого оружия дал ему лет через 7-9. Под Новый год, по очереди, все взрослые отвели душу на концерте «Здоровеньки були!» Тарапуньки и Штепселя (Тимошенко и Березина). Для тех кто пытается утверждать, что в советский период не было критики, посмотреть бы их концерт и они убедились бы в противоположном. Мне запомнилась одна из их известных интермедий: берут они интервью у одного из жителей дома для престарелых; спрашивают его о том, что очевидно он так много прожил, благодаря тому, что не употребляет алкоголь;

он отвечает: пыв, пью и буду пыты; они: тогда вы наверное не курите?; он: курыв, курю и буду курыты; они: диду, а сколько ж вам рокив?; он: тридцать пять! В зале музыкальный проигрыш и взрыв хохота. Вот такие 35-летние старики были тогда. А сколько их вымерло в «перестроечные» годы, ельцинского беспредела и вымирает сейчас. Сейчас их не меньше!

После предзащиты жизнь пошла всё же относительно спокойнее. На обед, почти ежедневно, пешком по специальному экологически более чистому маршруту: от высотного здания учебно-лабораторного корпуса академии (за павильоном выхода на улицу Боткинскую станции метро «Площадь Ленина») до памятника В.И. Ленину на броневике у Финляндского вокзала, затем, в зависимости от направления ветра, по левому или правому тротуару Литейного моста, затем, сразу за Большим домом (так в Ленинграде называли здание КГБ), по улице Каляева, через проходные дворы на улицу Чайковского, мимо кинотеатра «Спартак», через улицу Салтыкова-Щедрина, по переулку на Преображенский собор, улицу Пестеля, улицу Артиллерийскую и во двор нашего дома по Литейному проспекту № 26.

Дома удаётся мне больше читать книжечки дочке Иришке. Правда, когда удавалось раньше вырваться с кафедры. Часто это не удавалось, в связи с тем, что мне поручалось вести занятия и самоподготовку с курсантами 2 курса и офицерами запаса, которые только начинались в 18.00.

Отношения с Рябоконом остались прежние. Так, чтобы пробить какой-нибудь документ у Рябокона, приходилось делать по 3-7 заходов. 2 месяца он продержал меня за штатом. 2 месяца между небом и землёй. Но, тем не менее, добавил в мои функциональные обязанности ответственного за противопожарную безопасность и подписчика печати для кафедры. Всю черную работу, которая отнимает массу времени и сил, взваливал на меня.

Только благодаря вмешательству начальника научного отдела удалось добиться ускорения назначения срока моей защиты. В ряде случаев приходилось разгадывать и опережать действия Рябокона. Так, вдруг он стал настаивать, чтобы из названия диссертации убрать термин «организация обеспечения...». Не сразу стало ясно, что этого делать нельзя ни в коем случае, в связи с тем, что тема должна быть связана с организацией медицинского обеспечения авианесущих кораблей. Только с помощью Г.П. Донченко удалось отстоять и сохранить название.

2.1.2. Севастополь. Возвращение к многоборью; А. Бакулин; А. Юдин.

Опять первый класс. Защита диссертации.

Как бы там ни было, но 1978 год наша семья встретила традиционно весело и с надеждами на лучшее. Дети побывали на своих новогодних праздничных ёлках. Зима хорошая и нам несколько воскресений удалось съездить в Кавголово на лыжи. В одно из февральских воскресений – пораньше за город, а к 18.00 уже заступил дежурным по учебно-лабораторному корпусу академии. Как говорил на встрече с пионерами космонавт Герман Титов: хочешь жить – умей вертеться. Для детишек детского садика, куда ходят мои детки, в парке академии, проложил для них лыжню. Другое удовольствие жизни – один раз в неделю плавание в бассейне СКА. Посмотрели кинофильм «Служебный роман» – отличная работа, прежде всего Алисы Фрейндлих и Андрея Мягкова. На примере не только их прихожу к выводу, что у нас выросло не первое поколение прекрасных советских артистов кино и театра. В этом я убедился, когда удалось посмотреть по нашему телевидению английский сериал «Сага о Форсайтах». Солидная работа. Очень мне понравился этот фильм, режиссура и игра актёров. Но сравнивая их работу с тем, что удалось увидеть в театрах, кинотеатрах и на экранах телевизора за последние годы у нас в СССР, я пришёл к выводу, что наши не хуже, а в чём-то даже лучше.

Начал окончательно готовить текст своего выступления на защиту. Хотя и ходит среди соискателей такая прибаутка по поводу защиты: ничего страшного – 15-20 минут позора на защите, но зато прекрасная последующая жизнь. В моей ситуации этот «позор» может иметь другие последствия. Поэтому готовлюсь по полной программе. Получены и приобщены к доку-

ментации на защиту 18 отзывов со всего Союза на автореферат диссертации. По установившимся правилам, мне пришлось дать информацию в выступления моих оппонентов и профильной организации. Как они её используют, это уже их дело.

Своей чередой текли кафедральные дела: сделан стенд по комплектам, написана и сдана статья в Сборник к 60-летию Вооружённых сил СССР, написана лекция для группы академических курсов, составлена методическая разработка для IV факультета, по вечерам веду занятия с офицерами запаса, ведётся подготовка праздничного номера кафедральной настенной газеты, составлена противопожарная инструкция, которая практически отсутствовала на кафедре до этого.

В плане подготовки к защите: обзвонил и обошёл всех приглашённых и допущенных на защиту членов Совета, выкупил изготовленные в художественной мастерской таблицы на защиту, заказал, подготовил и опробовал аудиторию, купил билеты оппонентам назад на Красную стрелу из Ленинграда в Москву и даже заказал зал для банкета после защиты.

Но время идёт неумолимо и в другом измерении – пора устраивать Андрея в школу. Все сообща делаем всё, что для этого надо. А пока он ходит с бабушкой в гимнастическую секцию при СКА у зимнего стадиона.

И вот, наконец, наступила ЗАЩИТА диссертации!!!

Конечно, с того дня времени прошло достаточно много – более 30 лет! Много забылось! Но и многое помнится.

Итак, 4 апреля 1978 года. Аудитория № 516. Установлен кадровскоп для демонстрации слайдов, развешаны таблицы, схемы и фотографии. Всё «на товсь». Собрался докторский совет по закрытым диссертациям. Председатель сам НГ – начальник академии Н.Г. Иванов. Вступительное слово председателя. Предоставляется слово мне, как соискателю. Странно или нет, но волнения не было. Наверное потому, что ведёт сам Н.Г., в зале присутствуют свои: О.Б. Порембский, М.И. Кондратьев, Н.Г. Новожилов, Г.П. Донченко, В.И. Юнкеров, М.В. Портных, Б.Д. Сухов и другие. Это придало уверенности, что всё будет нормально и по существу.

Накануне я долго мучался – как начать своё выступление. Принято было начинать: – Глубокоуважаемый товарищ председатель, уважаемые члены совета, товарищи офицеры Такая градация по уважению мне казалась перегибом. Поэтому на свой страх и риск, при всём действительно глубоком моём уважении к Н.Г., я начал: – Глубокоуважаемые товарищ председатель, члены совета, товарищи офицеры Доклад шёл по плану, как вдруг один из членов совета К. Журкович восклицает: – Что вы нам рассказываете об американских авианосцах? ... Что мы сами не знаем? Я объяснил, что это необходимо для использования опыта их медицинского обеспечения боевой деятельности, а также для наглядности сравнения с нашими авианесущими кораблями. И спокойно продолжил далее свой доклад. Главное, что этот вопрос меня не сбил с толку, и я нормально закончил свой доклад. Потом, гораздо позже, я узнал, что Журкович этим вопросом выполнял просьбу своего друга Рябоконя.

Ответы на вопросы членов совета. Выступления оппонентов, их вопросы и пожелания. Оценка их положительная, мнение обоих: достоин присвоения кандидата медицинских наук. Мои ответы на вопросы и пожелания оппонентов.

Было несколько выступлений, но особенно запомнилось выступление профессора доктора медицинских наук М.И. Кондратьева, о котором накануне мы с ним об этом даже не говорили. В чём-то лестно, в чём-то авансом, но в основном, наверное, объективно и справедливо – ведь мы с ним очень много сотрудничали и провели времени в работе: на ТАКР «Киев», в Военно-морском институте, при работе по совместным научным отчётам и научным статьям. Он говорил о том, что диссертант в настоящее время в медицинской службе ВМФ СССР является лучшим специалистом по медицинскому обеспечению авианесущих кораблей, знающий историю медицинского обеспечения личного состава авианосцев иностранных флотов, морской авиации ВМФ и отечественных кораблей с одиночным и групповым базированием кора-

бельных летательных аппаратов. Говорил, что изучение и анализ огромного объёма материала, разработка системы медицинского обеспечения, организации обеспечения и норм снабжения медицинским имуществом, новых комплектов медицинского имущества, апробированных и принятых к использованию в авианосных соединениях Краснознамённых Северного и Черноморского флотов, повысят боеспособность и боеготовность их в мирное и военное время.

Началось голосование. Из всех членов совета, один бросил, как говорится, «чёрный шар», т.е. проголосовал «против». Позже выяснилось, что это сделал К. Журкович. Ну что же, так даже лучше – если 100% «За» это плохой стиль. Спасибо за высокую оценку нашего труда! УРА! УРА!! УРА!!!

Но это ещё не всё. Предстояла работа со стенографисткой, оформление материала по защите к отправке в Москву, в Высшую аттестационную комиссию (ВАК). В то время её возглавлял некий Кириллов-Угрюмов, который высказывался в печати, что не признаёт такой специальности как врач – организатор. И это настораживало.

А пока впереди традиционный ужин в ресторане Дома офицеров, куда приглашены мои научные руководители О.Б. Порембский, Рябоконь и оппоненты. Особо хотелось, чтобы был Олег Борисович. И он обещал прийти. Мы с Ларой, моей женой, оделись в лучшие одежды, какие у нас были и пришли в заказанный мною накануне зал. Пришёл Рябоконь с одним из оппонентов. Обождали какое-то время Олега Борисовича. Позже выяснилось, что второй оппонент М.В. Портных уехал сразу в Москву, а О.Б. Порембский не смог преодолеть неприязнь к Рябоконю и заставить себя проводить с ним вечер в одной компании. Но мне надо было смочь. Сели за стол. Как бы там ни было, но мой долг был выразить свою благодарность присутствующим за то, что каждый из них сделал для успешного завершения дела и защиты диссертации. Оба гостя приняли сказанное к сведению, солидно выпили и закусили, вышли покурить и по-английски вдруг исчезли. Нам было с одной стороны неприятно такое неуважение, а с другой стороны даже хорошо. Мы славно вдвоём посидели, потанцевали и повеселились, хотя естественно со всем, что было заказано на стол из 6 персон справиться не сумели.

Удовлетворение на душе колоссальное. Успешно завершён труд нескольких лет, в таких неблагоприятных и недоброжелательных условиях, когда начальник кафедры был не научный руководитель, а по существу антинаучный руководитель. Больше появившееся свободное время старался вернуть семье и особенно детям. С Андреем стали вместе ходить в баньку с парилочкой, соорудили скворешник и закрепили его на высокой сосне в лесу возле Кавголовского озера. Там же мы с ним осваивали науку лазания по деревьям для развития силы, ловкости и смелости. В бассейне СКА посмотрели соревнования в спортшколе, где занимался Андрей. Не плохо, был в числе призёров во всех четырёх видах плавания: кроль, брасс, кроль на спине и батерфляй. Начались приятные хлопоты по устройству Андрея в английскую школу. И неприятные: после консультаций в академии и Педиатрическом институте, пришлось согласиться с рекомендациями врачей и пойти на удаление аденоидов у Андрея. Слава богу, всё обошлось и, как жизнь показала, не зря была проведена эта экзекуция.

Посмотрели два спектакля московских театров: «Проводы» театра Маяковского и «Двенадцатая ночь» Современника. Тогда это было значимое для нас событие. Ещё не практиковался, так называемый в сегодняшнем Питере, московский чёс, когда дерутся со зрителя огромные деньги за билеты при неуважительном отношении к зрителям, начиная с плохих программ к спектаклям и кончая скудной декорацией, костюмами, заменой и перестановкой артистов и т.д.

На работе Рябоконь дал срочное задание подготовить раздел в новый справочник военного врача. Срочно сделал, сдал и забыл. Спустя полгода попадает в руки этот справочник. Смотрю аннотацию и вижу там от нашей кафедры другого соавтора вместо меня. Та же политика та же непорядочность продолжается. К этому я никогда не смог привыкнуть и смириться,

но за эти годы я уже не реагировал так болезненно как ранее на подлости и несправедливости со стороны Рябокони и его единомышленников.

Дело идёт к лету. Созвонился с товарищем и однокурсником Володей Евстратовым, о котором я уже упоминал ранее в связи с командировкой в Севастополь на противолодочный крейсер «Ленинград». Он по-прежнему трудился в филиале центра по подготовке и реабилитации космонавтов в Севастополе. Договорились, что мы всей семьёй приедем к ним покататься на море. Сказано – сделано. Продумали, спланировали, подготовились на поезд и вперёд на юг.

Перемещение на поезде с детишками это большое путешествие с массой впечатлений, многие из которых для них впервые в жизни. У нас отдельное купе на всю семейку – как отдельная комната в нашем общежитии. Много смотрено – пересмотрено, обсуждено, всё что мелькнуло, движется, увидено впервые или с необычной стороны. Чем дальше на юг, тем больше незнакомого. Особенно когда въезжаем в Крым, когда местами видно море. Много сыграно, прочитано, рисовано, перерисовано, съедено, выпито и наоборот.

Наконец Севастополь! Ура!

Нас встречает Володя. И вдруг выясняется, что нас ждали четверых, без моей матери. Но назад же её не отправишь. Да и у нас планы на всё лето, а не только на Севастополь. Пришлось хозяевам смириться и принять нас в полном составе. Мы очень благодарны семье Володи: ему и его жене Екатерине за то, что отвели на нашу капеллу отдельную комнату на несколько недель. Конец мая, начало июня. На юге благодать, прекрасно, многое уже цветёт, уже есть черешня, зелень. С погодой повезло, тепло, солнечно, море прогрелось. Естественно, мы стремимся каждый день на море. То в Учкеевку, то в бухту Омегу, то в Херсонес, то на городской пляж. Однако детки маленькие, Ирише было всего 4 годика, да и самим всё время на солнце утомительно. Предполагая такую ситуацию, мы взяли с собой из Питера палатку туристскую, надувные матрасы, подстилки, игры, чтиво, туристскую посуду. Благодаря этому проблем практически не было. Детишки спали днём у берега моря в палатке или под тентом, чтобы не мешать друг другу. С Андреем мы много плавали, швыряли камешки на дальность и на скольжение по воде. И главное – за время пребывания в Севастополе мы с Андреем прочитали весь букварь, и он научился довольно уверенно читать. Я пристрастился к бегу босиком по берегу моря, по твёрдой земле крымской степи. За этот период подошва стала грубая, наверное, как у эфиопского бегуна Бикиллы. Не забываемые впечатления от купания в бухте исторического Херсонеса. Она сравнительно небольшая по размеру, красивая по очертаниям, вода чистая и прозрачная, аквариумная морская по цвету, запаху и вкусу, дно из гальки средних размеров. На небольшом расстоянии от берега стоит небольшой островок из ракушечника сверху обросший травкой, а под водой покрытый водорослями. Над водой он возвышается на 3-4 метра и под водой примерно такая же глубина. Вот мы с Андреем постепенно его освоили, доплыли, несколько раз проплыли вокруг него, забрались несколько раз, обследовали и, наконец, начали прыжковые упражнения. Когда прыгаешь в воду с этого острова, ныряешь и плывёшь под водой в плавательных очках, наблюдаешь подводные скалы, покрытые зелёными водорослями, проплывающих иногда рыбок, то чувствуешь себя самого рыбой в аквариуме.

Обошли достопримечательности города: Графскую пристань, центральную улицу, памятники, бухты, военный порт. Съездили в Балаклаву к Вениамину (тоже наш однокурсник) и Зое Лоханиным. Посмотрели скалы, где снимался «Ихтиандр». 2-3 недели у моря и на море, это прекрасно. Спасибо друзьям.

Однако, всё имеет своё начало и конец. Мы рассчитали так, что за несколько дней до отправления поезда из Севастополя в Ленинград, я на автобусе через г. Николаев отвёз бабушку Олю с детишками на Украину в город Вознесенск, на оставшуюся часть лета к её сестре Евгении Савельевне. Проводы нас мамой Ларой сопровождались слезами мамы и детишек. В Вознесенске я денёк помог им там устроиться и вернулся на станцию Джанкой в Крыму. Там дождался поезда №7 «Севастополь-Ленинград», в котором уже из Севастополя «заняла»

нам двоим места Лариса Анатольевна, согласно купленным билетам. И поехали мы с ней в Питер, оставив до конца лета детишек с бабушкой Олей на Украине. Думаю, что у каждого из нас остались свои впечатления и память об этом светлом периоде в нашей жизни. Возраст в нашей семье тогда был от 4 лет Иришки до 62 лет Ольги Савельевны.

Ещё на одной стороне прекрасного, по нашим понятиям, отпуска хочется остановиться подробнее. В те годы я всё больше задумывался о том, чтобы полностью порвать с так называемым «культурнопитейством», т.е. выпиванием в компаниях по праздникам по немногу, для того чтобы, как говорят для оправдания своего лицемерия, ханжества, своей слабости в своих и чужих глазах, снять напряжение, не быть белой вороной и так далее и тому подобное. Мне не нравилось, что своему подрастающему сыну я говорил о том, как не хорошо пить и курить, а сам за семейным праздничным столом традиционно произнося тост, подымал бокал с вином или с чем-либо покрепче. После этого следовало соответствующее состояние и поведение.

И вот в этой поездке, при встрече, на застольях у моих однокурсников Володи и у Вени я сумел отшутиться и ни разу не принял в рот хмельного. Помню реакцию, удивление и недовольство друзей. Оглядываясь назад, можно сказать, что это было не легко и не просто. Но лиха беда начало. Начало ухода в полную трезвенническую жизнь. Каково же мне было, когда я отвёз свою маму с детьми в Вознесенск, до конца лета, зная о том, что там двое зятей Евгений Савельевны глушат «по-чёрному» всё что попадёт из спиртного. «Хороший» пример для подрастающего сына. Но что делать? Мы с женой по возвращении из отпуска сразу на работу. Всё лето держать детей в городе, в условиях общежития? С другой стороны, тогда уже у нас в стране повсеместно и твёрдо установилось пьянство по любому малейшему поводу. Тем более со середины 80-х годов XX века эта и другие болезни нашего общества возрастали стремительно. И по существу спаивание народа превратилось в геноцид – уничтожение народа на всём постсоветском пространстве путём насаждения табакокурения и алкоголизма (от культуропитейства до пьянства и алкоголизма), наркомании, распущенности, ведущей не только к росту венерических болезней, но и СПИДу и т.п. Наши дерьмократы (как в народе звали т.н. демократов) говорят, что это плата за вход в «светлое капиталистическое общество». Нужен ли такой вход и тем более такой ценой за введение страны, ради интересов кучки пассионарных негодяев, в дикий беспредельный капитализм? Однако, незаметно я перескочил в будущее.

А тогда по выходу на работу по возвращении из отпуска я почувствовал новую тактику борьбы за выживание врача с кафедры. Собственно уже апробированная тактика – тактика максимальной загрузки и жёсткого контроля единственного врача на кафедре. Только цель несколько поменялась: не допустить даже мысли о продолжении научного роста и работы над докторской диссертацией. Стратегически ставилась задача не дать возможности стать конкурентно способным на место начальника кафедры. Одним из подтверждений сказанного служит то, что в то время, когда обсуждался план работы над докторской диссертацией Щукхве, меня Рябokonь внезапно отправляет на 2 месяца заместителем по МТО начальника лагерного сбора в учебном центре академии в Красном селе.

Перед отъездом, в связи с тем, что сроки представления трёх методических разработок на проведение полевых занятий выходили, я оставил их рецензенту с просьбой после рецензирования отдать их начальнику учебной части кафедры. При этом, если он бросит в длинный ящик, я просил забрать их к себе и вернуть мне по возвращении из командировки.

Эта командировка оказалась для меня пыткой. Пытка на китайский лад – бездельем. После адъюнктуры, периода работы над диссертацией, освоения учебной дисциплины, вхождения в преподавательский и научно-исследовательский процесс, семейных забот и проблем с детьми вдруг ... провал, болото безделья. Лагерный сбор проводится на период сдачи вступительных экзаменов на факультеты первичной подготовки и совершенствования врачей. Проводится он столетиями в Учебном центре академии в Красном селе. Оборудует, обслуживает и охраняет центр медицинский батальон обеспечения учебного процесса (МБОУП). У

командира батальона имеется штатный заместитель по материально-техническому обеспечению (зам. по МТО). Он имеет в своём распоряжении людей, ряд функциональных подразделений (столовые, склады и др.), технику, инструментарий и хозяйственные материалы. На период проведения лагерного сбора одной из основных задач всего МБОУП является обеспечение всех участников сбора жильём, местами для занятий и проведения экзаменов, питанием, помывкой и другими бытовыми мероприятиями. Заместитель по МТО начальника лагерного сбора также отвечает за выполнение перечисленных задач, но не располагает ничем из, находящегося в распоряжении заместителя по МТО командира МБОУП. Поэтому должность, на которую я попал, была сродни, в определённом смысле, роли Герцена. Я следил за всеми направлениями материально-технического обеспечения и если где-то, что-то не ладилось, да простят меня за сравнение, как Герцен должен был ударять в колокол. Далее через штатного заместителя по МТО командира МБОУП, начальника штаба или начальника лагерного сбора добиваться своевременного решения или корректировки соответствующих проблем. Это назначение было для меня настолько внезапным, что я не успел подготовить и взять с собой какой-то материал для работы. Отлучаться мне из учебного центра было запрещено. Оставалось только чтиво и физическая культура. Оказалось, что такая фривольная, без напряжения жизнь для меня пытка. Хуже чем жизнь в цейтноте, в круговороте кафедральных и семейных дел и проблем.

Но вот позади лагерный сбор. Возвращение на зимние квартиры. Начало очередного учебного года. Жизнь в учебном заведении течёт в основном по учебным годам – с сентября по сентябрь. С годами такая цикличность становится привычной, с ней увязывается всё остальное, в т.ч. и личная жизнь, жизнь семьи, праздники и отпуска.

Кроме отобранных через адъюнктуру, берут в академию на преподавательские должности людей после ординатуры, факультета руководящего медицинского состава и даже из войск, имеющих опыт специалистов. Однако некоторые из них не имеют не только специальной педагогической подготовки, но не имеют склонности и данных для ведения преподавательской деятельности. Вот они в первую очередь оплошляют деятельность преподавателя, не уважают её, считая и высказывая вслух «мысли» о том, что в преподаватели можно брать любого дворника. Кстати дворники тоже относятся к своему труду по разному, убирают как следует или только числятся. Так вот такие преподаватели-дворники сами работают как плохие дворники, не вникая в суть своей работы и не вкладывая душу в эту живую учебно-воспитательную работу по подготовке кадров для медицинской службы армии и флота. За четверть века моей работы на кафедре через неё прошло несколько таких «преподавателей».

Один из них Думенко Анатолий, к тому же был художественно одарённым. За время учёбы на факультете руководящего медицинского состава он много учебных часов потратил на художественное оформление кафедры. За это честь, хвала и большое ему спасибо. Но с другой стороны это сказалось негативно на его подготовке по специальности. Спустя пару лет после выпуска из академии, он был взят преподавателем на кафедру. Постепенно выяснилось его отношение к нашему преподавательскому труду. Когда наступило время «плюрализма мнений», у нас с ним были несколько раз дискуссии и наедине и на собраниях по поводу отношения к труду преподавателя.

Я всегда отстаивал, принятое у нас в академии, такое отношение к делу, когда преподаватель и в целом кафедра должны сделать всё, зависящее от них, для налаживания и ведения на должных научном и методическом уровнях образовательного процесса. Для этого, исходя из функционального назначения выпускников, составляются квалификационные требования, учебные планы и программы подготовки специалиста, частные методики преподавания учебных дисциплин. По ним – тематические планы, расписания учебных занятий. Далее, идя по древу учебно-методического фонда кафедры – учебники и учебные пособия, учебно-методические пособия для обучаемых. Затем тексты лекций, методические разработки, планы семи-

наров для преподавателей. Разрабатываются и создаются наглядные пособия, в том числе по новейшим образовательным технологиям, с использованием наисовременнейших и традиционных технических средств обучения. Очень кропотливое, чрезвычайно интересное и плодотворное дело. При условии любви и увлечённости им.

Надо сказать, к счастью, на кафедре преобладали люди, увлечённые и добросовестно относящиеся к преподавательской деятельности. Правда, в силу разных обстоятельств, кроме Думенко были ещё преподаватели, не любившие и не тратившие времени и сил на «возню» с курсантами на самоподготовке, на занятиях и на отработках пропущенных и не зачтённых занятиях: В. Матвийчук, Б. Усатый, С. Ровума и др. Один из них, при таком отношении к делу, «выскочил» позже даже в начальники кафедры. И его отношение привело к потере былого высокого уровня образовательного процесса на кафедре. В этом я убедился, участвуя, спустя много лет, в проверке методической работы кафедры. Тогда же, были времена, когда важно было не компетентия и отношение человека к делу, а его лояльность и верность соответствующему начальнику по специальности. Что касается Думенко, то он вскоре ушёл в управление медицинской службой одного из военных округов. Затем, когда начался развал Советского Союза и его структур, в т.ч. Вооружённых Сил, благодаря его работе над портретами некоторых военно – медицинских начальников, был поставлен даже во главе одного из военных фармацевтических научно-исследовательских институтов. Такие институты называли «запасными аэродромами» для увольняемых из органов управления т. н. арбатского военного округа. Это было в духе начинавшегося безвременья. Ведь Думенко не имел ни учёных степеней и званий, ни научных трудов, опыта научной работы, и главное данных, чтобы занимать такой пост.

А жизнь продолжается... В описываемый период времени структура моей диссертации и автореферата были взяты рядом моих товарищей по адъюнктуре как образец для своих диссертационных трудов. Пошли очередные нировские темы, в том числе по авианесущим кораблям, тексты лекций, методические разработки. В том числе для проведения военного учения со слушателями морского факультета, которые на кафедре почему-то отсутствовали. В инициативном порядке написал факультативную лекцию для слушателей факультета руководящего медицинского состава по авианесущим кораблям. Удалось наладить регулярные занятия по физической подготовке офицеров кафедры в спортзале академии. Рябоконь, в добавок, к имевшимся обязанностям, отдал меня в группу военных дознавателей академии.

Приятное событие в жизни – сын Андрей пошёл в первый класс школы с углублённым изучением английского языка. Для того чтобы жене наладить Андрею учёбу в школе, первые три месяца дочку Иру из садика забирать «доверили» мне. Впервые с 1974 года, как мы вернулись в Ленинград, мы начали походы по грибы и ягоды. Раньше просто не хватало времени. Оказалось очень увлекательное и полезное занятие. Чем дальше, тем больше засасывала эта страсть. И как оказалось на всю оставшуюся жизнь.

На кафедре физической подготовки и спорта появились новые интересные сотрудники. Познакомился с двумя Анатолиями: Анатолий Яковлевич Кныш и Анатолий Сергеевич Бакулин. Выяснилось, что с последним, в течение 2 лет мы учились в САТУРНе – Саратовском артиллерийском техническом училище ракетного назначения. Правда, он учился в 9 батарее, а я – в 11. Он закончил училище на год позже меня, потом окончил ВИФК – военный институт физической культуры и ушёл в спортивную работу. Кто знал его близко, говорили, что у него два сердца. Анатолий Сергеевич много лет был бессменным чемпионом Вооружённых сил по офицерскому многоборью. А чтобы держать это звание, надо было много сил и времени тратить на то, чтобы держать форму на высоком уровне и в беге, и в плавании, и в стрельбе, и в гимнастике и в вождении автомобиля. Несколько лет он жил в военном городке в пригороде Ленинграда – Тайцах, и ездил каждый день на работу в академию к Финляндскому вокзалу. Сам по себе вариант не из лёгких, так ведь ещё вечерами (в 23 – 24 часа), вернувшись с работы, он шёл в бассейн, ранее построенным под его руководством, и отрабатывал плавательную про-

грамму. Потом уже еда, сон и личная жизнь. А утром опять на работу. Согласитесь, что такой режим подвластен действительно единицам особенно сильных духом и телом людей. Уговорил он меня потряхнуть стариной и вернуться в офицерское многоборье только на одно соревнование. Но сложилось так, что несколько лет мы выступали с ним в своей возрастной категории в академической команде на первенство ЛенВО.

Представляются не безынтересными некоторые теневые стороны спортивной жизни и соревнований. С лёгкой руки Анатолия Сергеевича моё возвращение в офицерское многоборье на одно соревнование затянулось более чем на 10 лет. На кафедре физподготовки появился новый преподаватель – Александр Геннадьевич Юдин. Это был офицер хорошего советского воспитания, человек, у которого слово не расходилось с делом. Он очень увлечённо занимался физической подготовкой с разными категориями обучаемых и академической сборной командой многоборцев. Его увлечение и горение передалось и мне, спортивные результаты по всем видам многоборья росли (первый разряд, кандидат в мастера спорта), появилась перспектива, стало интересно, хотя и много отнимало времени. Александр сам выступал на первенстве ЛенВО по офицерскому многоборью, занимая призовые места. Ему удалось создать такую команду в академии, что мы несколько лет занимали вторые места на первенство ЛенВО, вслед за Военным институтом физической культуры (ВИФК), команду которого, не только как профессионалов своего дела, никто не мог обойти.

Вот тогда мы стали пристально следить за командой соперницей. Особенно каждый за соперником по своей возрастной группе. За много лет соревнований мы уже знали друг друга «как облупленных», сильные и слабые стороны каждого, максимальные результаты, которые способен он показать в отдельных видах многоборья. Естественно после соревнования по каждому виду многоборья внимательно изучали протоколы соревнования, как официальные результаты, хотя истинные результаты уже знали. На одном из зимних первенств округа было замечено несколько, очень мягко говоря, «неточностей». В протоколе бега на 1000 метров по дорожкам Зимнего стадиона время одного из участников соревнования из команды ВИФКа в значительной степени не соответствовало фактически показанному результату. В протоколе соревнований по плаванию я вижу, что представителю команды ВИФК, в моей возрастной группе, выставлено время, которое он с роду не показывал и не мог показать. Мало того мы знали, что он вообще не стартовал на этих соревнованиях. Возмущение было большим, но кулуарным. Решили сохранить честь мундира и договорились, что впредь таких «левых номеров правой рукой» делаться не будет.

В рамках летнего первенства округа по офицерскому многоборью соревнования по стрельбе проводятся на окружном тире полигона «Чёрная речка» под открытым небом. Сильный ветрище, шквалистый, порывами, не постоянного направления. Временами дождь. Условия не для высоких результатов даже для высоких мастеров своего дела. Ничего страшного, думаю я, все находятся в равных условиях. Представитель ВИФКа, в моей возрастной категории стрелял рядом со мной, крайним в шеренге очередной стрелковой смены. Отстрелялся как из пулемёта, т.е. очень быстро, не выцеливая, не перенося и не откладывая ни одного выстрела. Ну – думаю – молодец, решил зря не мучаться. По окончании стрельбы, как и положено, смены подошла к мишеням для их осмотра. Я успел заметить, что из двух крайних мишеней (моя была третьей) судья взял лучшую, очевидно уже раньше подготовленную. Сумма выбитых очков на ней была 90 из 100!? Вторая мишень, на вскидку, в большей степени «уцелела». Когда я сказал об этом представителю нашей команды, он дело замаял. Мой соперник, услышав моё возмущение по этому поводу, отдал мне памятную статуэтку, которую ему вручили как победителю соревнования, так как он видел, что я отстрелял лучше его.

Худо-бедно, но жизнь как-то определилась и постепенно входила, пусть относительно и местами, но в светлый промежуток (полосу), в более предсказуемое и налаженное русло. Сбылось то, что думалось несколько лет назад, наблюдая картину весеннего ледохода по Неве

с Литейного моста. Это было в один из очень тяжёлых для меня периодов, когда Рябоконт давил по всем направлениям. Наблюдаемое неумолимое наступление весны и ледохода вызывало размышления о том, что как бы не сопротивлялась старушечья зима – весна своё возьмёт. Это дало для меня тогда какое-то успокоение и уверенность, что как бы Рябоконт не изгалялся в своих экзерцициях, всё равно время его уйдёт, а справедливость восторжествует. И вот сейчас так, в основном, оно и происходило.

А вот дела у другого моего товарища Н. Рыжевского на тот момент не складывались как ему хотелось бы, и я бы сказал: как он заслужил, честно отработав 6 лет учёбы в академии старшиной курса. После выпуска из академии он прослужил начальником медицинской службы на Зеленодольском заводе на Волге. Оттуда уехал на полигон на Новой земле. Теперь хотел бы вернуться начальником курса на морской факультет. Но это никак не получалось. Долго мы с ним обсуждали ситуацию и возможные варианты, однажды осенью, когда я дежурил по академии. По мере сил и возможностей мы старались в течение полугода вытащить его в академию и через отдел кадров, и через нашего бывшего начальника курса. Но – увы. Наш бывший начальник курса С.Ф. Морев говорил: – Мешает пятый пункт анкеты жены (наследственность связанная с Синайским полуостровом). Так или нет, но крепко обиделся за это Николай на Мореву. Он считал, что в течение 6 лет, когда он, будучи старшиной курса, много сделал полезного и за себя, и за начальника курса, пятый пункт не мешал. По – своему он конечно прав. Но нет худа без добра. Спустя несколько лет Николай перевёлся в Крым и даже стал работником управления медицинской службы Крымской автономной республики в составе Украины. Ещё одно подтверждение того, что никогда не надо отчаиваться. Время всё расставит по своим местам.

А наша жизнь продолжалась в своей многосторонности, с удачами, успехами и наоборот, с той же определённой цикличностью. Съездили семьёй в Пушкин (Царское село) посмотреть золотую осень. Одно из мест в наших краях, в которое хочется вернуться снова и снова, чтобы насладиться гармонией и лепотой творения природы, ума и рук человеческих. По очереди с мамой, посмотрели в кинотеатре Дома офицеров экранизацию Тургеневской «Степи». Как сочно выписаны детали природы, образ жизни и быта на юге нашей страны, пусть где-то и в лубочном варианте. Посмотрели с детьми несколько детских кинофильмов. В АБДТ им А.С. Пушкина – «Деловые люди», в областном театре на Литейном – «Страсти земные», в БДТ им. Горького – «Цена». Сходили вновь в Русский музей на тематическую выставку Шишкина. Впервые удалось увидеть практически полное собрание его произведений. Оказывается он творил в разных жанрах изобразительного искусства. Природа, особенно лес в его изображении, это как море у Айвазовского. Такое впечатление, что изображенные им многие виды, особенно в окрестностях Петербурга, знакомые и виденные мною в путешествиях, лыжных и легкоатлетических кроссах по этим местам.

Андрею в школе силами родителей собрали пульт для программированного обучения английскому языку. Ко дню Великой Октябрьской Социалистической революции провели турнир на первенство кафедры по шахматам. Мы с Андреем опять пошли в бассейн СКА. Андрея, конечно, водит бабушка Оля. Сходили посмотреть первенство СССР по плаванию в нашем бассейне СКА. Бинокль, фотоаппарат, обсуждение увиденного создавало атмосферу настоящего спортивного праздника. Кроме того, это настоящая школа спортивного мастерства или как сейчас говорят мастер-класс. И по сей день, глядя такие соревнования, успеваешь рассмотреть какие-то технические приёмы и нюансы в различных стилях плавания в гребке руками, работе ногами, старта, финиша, дыхания, поворота у стенки и др.

Удалось достать и прочитать трилогию Яна: «Чингиз Хан», «Хан Батый» и «К последнему морю». Конечно не та глубина исследования этой темы, как у В. Чивилихина в его романе-эссе «Память» и не такие спорные и резкие выводы и обобщения как у Л. Гумилёва в «Древняя Русь» и «Великая степь». Но тоже интересно и позволяет логически выстроить целую эпоху в жизни народов Советского союза по варианту автора. Наконец, представилась возможность

детальнейшим образом проработать Мифы Древней Греции. Вот тот кладёзь, откуда черпали знания, темы, терминологию, понятия люди искусства, философии, архитектуры, медицины и других областей знаний и жизнедеятельности homo sapiens. Совпадение или нет, но вскоре посмо трели в театре им. Комиссаржевской «Забить Герострата». После Мифов Греции, я уже был ориентирован в сюжете спектакля.

Написаны очередные лекции, завершена тема плановой нир по авианесущим кораблям. Проведено очередное дознание по случаю управления преподавателем академии автомобилем в нетрезвом состоянии. Случай настолько очевиден и документально оформлен, что сложностей не возникло. К моим обязанностям Рябоконт добавил вести дела по ДОСААФу на кафедре. А это всё время.

К концу года в нашей семье преодолены несколько рубежей. 4 декабря 1978 года Андрей перешёл из малой в большую ванную бассейна СКА. Я отмечал годовщину вступления в преподавательскую должность. Иринка присоединилась к брату в катаниях на коньках. Чтобы купить домой ёлочку на новый год пришлось в течение всего дня, каждый час отмечаться в очереди возле учебно-лабораторного корпуса (УЛК) академии. Всем просмолены и подготовлены лыжи. В том числе Иринке, хотя ей всего 4 годика. В мешок Деда Мороза под ёлочку вложены подарки из ДЛТ (дом ленинградской торговли) к новому году.

До наступления его удалось вкусить ещё одно из удовольствий жизни: побывать на встрече в Доме офицеров с шахматным журналистом А. Рошалем. Он был в команде А. Карпова, возглавлял шахматную федерацию страны и рассказал много интересного, не попавшего в печать, о матче Карпов – Корчной за звание чемпиона мира. С Анатолием Евгеньевичем мы, шахматные любители и болельщики прожили целую жизнь: от его встреч с Б. Спасским через Р. Фишера, В. Корчного, Г. Каспарова до сегодняшних дней. Спасибо ему за мастерство, порядочность, доброжелательность к людям, ответственность и вклад в своё шахматное королевство, в отличие от своих основных соперников того времени, особенно двух последних, сделавших много для раскола шахматного мира.

И уже перед самым новым годом посмеялись на концерте «парня из калинарного техникума» Г. Хазанова. Тогда он только набирал силу, известность и популярность. Ученик А. Райкина, в чём-то с ним схож, но во многом неповторим и оригинален в своём жанре. Он быстро завоевывал зал и становился любимцем публики.

2.1.2.2. Бернардо де Бальбуен. ТЮЗ. Глазунов. Новая квартира. Отчёт на партбюро.

В начале нового 1979 года на партийном бюро кафедры был заслушан очередной отчёт коммуниста А. Яковенко. Участники и сторонники контрреволюции 1991 года и развала СССР огульно хают всё, что было создано и происходило в нашей стране в годы советской власти. Я уже высказывал свою точку зрения по этому поводу. Мне представляется, что здесь нельзя абсолютизировать и идеализировать, огульно всё осуждать или восхвалять. В любом случае нельзя было разрушать и терять много полезного из того, что было завоёвано и создано в нашей стране, служившей примером для многих стран и народов. В том числе в системе воспитания. Ведь в принципе не важно где отчитываться начинающему преподавателю: на партбюро, на кафедральном совещании или на другом собрании коллег, товарищей. Главное, чтобы это было и проводилось по существу, с пользой для общего дела. О серьёзности и полезности таких отчётов, как это происходило во времена онные и чем занимался начинающий преподаватель кафедры судить вам по ниже изложенному примеру.

В моём отчёте были отражены основные виды работ за год: научно-исследовательская, учебная, методическая, спортивная, общественно – политическая и другие виды. За указанный период я участвовал в выполнении шести плановых научно-исследовательских работ. По двум из них материал в отчёт был сдан на один месяц раньше, по одной – на три месяца раньше

намеченных сроков. Хотя это и не главный показатель, но всё же объём выполненных работ занял 69 машинописных листов.

Кроме того, выполнено ряд поручений и заданий начальника кафедры:

- проведено согласование с начальниками 60 кафедр академии «Перечня знаний и навыков выпускников ВМедА по табельному медицинскому оснащению», применительно к каждой кафедре;

- подготовлен материал для справочника по медицинскому оснащению армии и флота;

- участие в работе по подготовке Пленума при начальнике Центрального Военно-медицинского управления (ЦВМУ, позже стало именоваться главным ВМУ или ГВМУ);

- участие в методическом обеспечении и оборудовании гаража учебной медицинской техники в Учебном центре академии в Красном селе;

- участие в развёртывании выставки табельного медицинского оснащения полкового медицинского пункта и медсанбата в выставочном зале на 12 этаже УЛК академии.

За этот период времени мною разработаны (подготовлены) плановые и инициативные методики обучения, учебно-методические, наглядные и научные материалы:

- новая методика преподавания кислородно-дыхательной и наркозной аппаратуры с курсантами морского факультета подготовки врачей;

- три текста лекций для слушателей факультетов руководящего медицинского состава и послевузовского образования;

- методическая разработка для проведения занятий на морском факультете подготовки врачей и 4 методические разработки для слушателей факультетов руководящего медицинского состава и послевузовского образования;

- учебный стенд по двум комплектам корабельным в тематический класс для подготовки врачей ВМФ;

- фотоальбом «Медицинское оснащение авианесущих кораблей»;

- 3 учебные схемы;

- комплект из 21 слайда по теме «Корабельное медицинское оснащение»;

- комплект из 30 карт для тестового контроля на устройствах «Консультант» и «Огонёк» по теме «Кислородно-дыхательная аппаратура»;

- доклад совместно с И.Н. Ждановым на учебный сбор офицеров кафедры по теме «Роль кафедры в деле подготовки войскового врача в свете указаний Министра обороны и начальника ЦВМУ».

В этот период продолжал работу по углублению знаний предмета кафедры и смежной учебной дисциплины (во многом даже ближе для меня – кафедры ОТМС флота).

Не стоит утомлять читателя другими подробными деталями. Но всё же картина будет не полной, если не сказать о том, что провёл я разных видов занятий на 350 часов, участвовал в проведении командно-штабных учений с профессорско-преподавательским составом академии «Балтика-79», с курсантами и слушателями разных факультетов.

Кроме того, выполнялись уже называвшиеся дополнительные административные, партийные и общественные обязанности, отдельные задания и поручения, которые всегда старался выполнить как можно лучше и в срок.

Общественные нагрузки если их только перечислить займут довольно много места: редактор стенной газеты кафедры, спорторг кафедры, ответственный за противопожарную безопасность на кафедре и за ДОСААФ, военный дознаватель от кафедры, политинформатор и ведущий занятия с лаборантским составом кафедры. А сколько времени и жизни уходило на это всё! В спортивных соревнованиях спартакиады офицерского состава академии я занимал первые места. В составе сборной академии по офицерскому многоборью – второй призёр в соревнованиях на первенство ЛенВО. Инициативно пропагандировал здоровый образ жизни: организация спортивно-массовой работы на кафедре, в т.ч. шахматные турниры; личное уча-

стие во всех соревнованиях спартакиады, с привлечением членов моей семьи; создание стенда «Физкультура и спорт на кафедре», на котором отражалась спортивная жизнь кафедры; печатал статьи в кафедральной и академической газетах по данной тематике, в т.ч. о спортивных соревнованиях, о закаливании, о вреде курения (при том, что Рябоконт «по – чёрному» курил).

Кому не интересна эта сторона жизнедеятельности и безнадежно курящие могут пропустить пару абзацев.

На отчётно-выборном партийном собрании кафедры в своём выступлении, как спорторг кафедры я говорил:

– Из доклада явствует с какой перегрузкой профессорско – преподавательского состава проводится научно-педагогическая работа. В такой обстановке каждому из нас важно найти время, заставить себя выйти на стадион, в спортзал или хотя бы сыграть в теннис. Хотелось бы пожелать новому секретарю и членам партийного бюро больше уделять внимания жизненно важным вопросам спортивно-массовой работы и защите спортивной чести коллектива в спартакиаде офицерского состава академии.

Далее в своём отчёте я говорил вроде стандартные слова, но это не было ложью и лицемерием, это было действительно так:

– Постоянно работаю над своим идейно-политическим и культурным уровнем.

За этой фразой, кроме приводимых мною в ходе повествования многих примеров посещений театров, музеев и выставочных залов города, имелось в виду: посещение лекций, подготовка и выступления на семинарах по марксистско-ленинской подготовке, ежедневный просмотр трёх и более общесоюзных, ленинградских и спортивных газет, чтение периодических изданий (журналы Наука и жизнь, Военно-медицинский, Коммунист ВС и др.), чтение художественной литературы.

По поводу последнего следует отметить, что после адъюнктуры появилась возможность больше читать. Удалось прочитать: Достоевского (Преступление и наказание, Идиот), Яна (трилогия о татаро-монгольском нашествии на Россию), Данилевского (Мирович), Пикуля (Битва железных канцлеров, Крейсер «Аскольд», На задворках великой империи) – и других авторов.

С удивлением обнаружил и пережил, что вновь открываю для себя Толстого Л.Н. и Достоевского Ф.М. Причём если в юношестве, как говорится, не шёл у меня Достоевский, хотя я всегда мог заставить себя прочитать то, что требовалось по школьной программе. То, перечитывая заново, указанные произведения классика, я получил колоссальное удовольствие от его работ и убедился в его способности глубоко проникнуть в психологию и душу человека, увидеть, найти, прочувствовать и выписать тончайшие детали и нюансы в размышлениях и действиях своих героев. Хотя и не со всеми его постулатами и взглядами можно согласиться и читать его подряд длительное время всё же тяжело. Требуется переключение на какое-то время на другую литературу.

Далее в отчёте шла речь о семье:

– Стараюсь наверстать долги по воспитанию детей, перед семьёй, которые возникли за годы адъюнктуры. С сыном пошли в первый класс, ходим в бассейн, дочку учим читать и писать. Главное – стараемся с женой подготовить каждого из них Человеком, в нашем понимании этого слова. Благо, наш славный город Ленинград предоставляет для этого большие возможности. Посещаем музеи, театры, выставки, спортивные зрелища. Зимой и летом стараемся всей семьёй по воскресеньям выезжать на природу: за город, в парки.

В заключение о затруднениях в работе и о недостатках над которыми считал нужным ещё работать. Главное – это освоение сложной профессии преподавателя. Кроме изучения, повторения, сбора учебно-методического материала к подавляющему большинству учебных занятий, ещё надо много работать над освоением методики преподавания различных учебных дисциплин разным категориям обучаемых. Здесь масса своих деталей и нюансов в дей-

ствиях преподавателя, всех и каждого в отдельности обучаемого. Начиная с разработки, апробации, доводки или совершенствования методики подготовки и проведения занятий. С целью перенять опыт коллектива старался посещать различные виды занятий лучших преподавателей кафедры. Особенно много надо работать по оформлению и подготовке к рецензированию и печатанию учебно-методического материала (текстов лекций, методических разработок, заданий и учебных пособий для обучаемых).

После того как я поблагодарил за внимание и за те пожелания в работе, которые выскажут товарищи, за последними дело не стало. Абстрагироваться здесь никоим образом нельзя, ни на секунду не забывая о положении единственного врача на кафедре провизоров. И всё же ...

Выступило 4 человека. Первым, как водится, начал обсуждение секретарь партийной организации. Это тот, который перед моей предзащитой спрашивал у Рябоконя: -Так как кладем соискателя вдоль или поперёк?

Он говорил о таких качествах заслушиваемого как напористость (заметьте не настойчивость), недостаток самокритичности, всегда всё равно прав (это при моём то положении изгоя!), хорошо продумывает и тщательно отработывает, но плохо оформляет учебно-методический материал (ни разу о плохом оформлении начальник учебной части мне не говорил).

Б. Чирчак отметил добросовестность выполнения своих обязанностей, особенно спорт-орга. Из недостатков отметил излишнюю самоуверенность и недостаточную самокритичность (известно по А.П. Чехову как все мы любим критику), затруднения в развёртывании аптеки на полевых занятиях.

Рябоконь вёл речь о неуважительном отношении к старшим (ясно, что он имел в виду прежде всего себя, после всего, что он вытворял все эти годы с точки зрения нравственности, порядочности, вопреки интересам дела). Говорил о том, что отчитывающийся очень сырой преподаватель (по прошествии всего 3 месяцев со дня назначения на эту должность !?), с большими амбициями (вот чего он прежде всего боится), не имеющими под собой твёрдой основы (что под этим подразумевать?). В то время как Щукхве он даже защищал на кафедральном заседании от «резкого» мнения рецензента одного из его материалов и очень легко журил: – Молодой товарищ не должен думать, что уже всё готово (?) и он всё знает.

Ю. Ушаков выразил пожелания быть проще и ближе к коллегам, погибче с гражданским персоналом в спортивной работе (верно, но всё время ведь как на минном поле, каждое не верное движение чревато последствиями, увы опыта предостаточно). По заслушиванию, как положено, было принято решение с пожеланиями партийного бюро: на семинарах больше отрываться от конспекта (!?), углубить (!?) НИР, повысить требовательность к себе, продолжить изучение литературы по специальности, посещать занятия лучших преподавателей-методистов кафедры.

Относиться к этому заслушиванию на партбюро можно по-разному. С одной стороны формально я только начал работать преподавателем, с другой стороны обидно, когда ты знаешь, что стараешься и много делаешь полезного для кафедры, а тебе за это, даже спасибо не скажут, и только «бьют по голове». Получается как у Бернардо де Бальбуэна в «Преимущества бедняка»:

Бедняк молчит, твердят-
«тупица»,
Заговорит – он
«пустозвон».
Коль сведущ он, зовут зазнайкой
И хитрецом, когда умён.
Общителен – зовут втирушей,
Учтив – зовут его льстецом,
Коль скромнен – называют

мямлей,
А коль отважен – наглецом.
Коль независим – он «невежа»,
Почтителен – «лизоблюд»,
Заспорит – назовут мужланом,
Уступит – трусом назовут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.